

РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ ДИАЛОГ О БУДУЩЕМ

Санкт-Петербург
2018

УДК 327(430)
ББК 66.4 (4Гем)

ISBN 978-5-91673-212-2

РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ
ДИАЛОГ О БУДУЩЕМ

Редакционная коллегия:

Н.А. Власов
И.В. Грецкий
Т.В. Хрулева

ISBN 978-5-91673-212-2

ББК 66.4 (4Гем)

Отпечатано ООО «Печатный Элемент» г. Санкт-Петербург 2018г. 135 стр. Тираж 250 экз.

О Форуме «Петербургский диалог»

Форум гражданских обществ России и Германии «Петербургский диалог» организован в 2001 году по инициативе и под патронажем президента России и федерального канцлера Германии. Главная цель Форума остается неизменной – создание надежной основы для развития российско-германских отношений за счет расширения сотрудничества гражданских обществ двух стран. Первый Форум прошел в Санкт-Петербурге в апреле 2001 года. Вплоть до 2008 года местом проведения «Петербургского диалога» на территории России неизменно являлась Северная столица, но с тех пор действует принцип ротации с германскими городами.

Если в первые годы существования «Петербургского диалога» его деятельность сводилась к организации и проведению ежегодных Форумов, то с середины 2000-х годов ситуация постепенно менялась. «Петербургский диалог» стал превращаться в круглогодично действующую структуру. В первую очередь это было реализовано за счет активизации рабочих групп, которые начали проводить заседания в период между ежегодными Форумами. Сегодня каждая из десяти рабочих групп проводит в среднем два-три заседания в год в различных городах России и Германии. Одновременно ведется работа над конкретными проектами под эгидой «Петербургского диалога». В частности, реализуются следующие основные проекты: Форум им. Р. Коха и И. И. Мечникова, Социальный форум, Школа для молодых ученых, Молодежный Форум «Петербургский диалог» и др. Кроме того, при поддержке Форума проводятся российско-германские конференции, семинары и симпозиумы по широкому кругу вопросов двусторонних отношений.

Рубеж 1980–90-х годов стал поворотным моментом в развитии Европы. Мир, на протяжении десятилетий застывший в межблоковом противостоянии, стремительно менялся, и

ключевую роль здесь играли именно наши две страны. Для СССР, как и для многих других стран социалистического лагеря, это было временем глубоких и стихийных общественно-политических перемен. Уходила эпоха тотальной цензуры и партийной монополии на власть, а «железный занавес» становился все более проницаемым. Михаил Горбачёв все чаще говорил о Советском Союзе не как о центре социалистического мира, а как о части мировой цивилизации. Кремль больше не стремился к установлению «диктатуры пролетариата» во всем мире и даже не очень хотел строить социализм в отдельно взятой стране. В условиях нарастающего социально-экономического кризиса претензии на глобальное лидерство уступили место судорожному поиску возможностей для удовлетворения базовых потребностей населения. Находящаяся на грани коллапса советская империя прощалась со своим статусом сверхдержавы. По ее долгам заплатила новая Россия, входившая в полосу непростых реформ и испытаний. После ликвидации СССР она продолжила двигаться по нисходящей траектории, пожиная плоды неэффективности командно-административной экономики, а затем и хаотичных, непродуманных реформ, последствием которых стала социально-экономическая катастрофа для подавляющего большинства населения страны.

ФРГ, тем временем, находилась в иной фазе своего развития. Подушевой ВВП Западной Германии в два раза превышал аналогичный показатель ГДР. Продемонстрировав чудо послевоенного восстановления своей экономики, страна обладала мощнейшим экспортным потенциалом и находилась в авангарде самого успешного интеграционного проекта – Европейских экономических сообществ. Окончание Холодной войны и разрушение Берлинской стены давало Германии исторический шанс восстановить свою территориальную целостность.

Однако при всех существовавших в то время различиях было несколько общих для наших государств моментов.

Во-первых, выражаясь словами Горбачёва, Германия тоже стояла на пороге «своей перестройки». После воссоединения она, как и Россия, столкнулась с трудностями постсоциалистической трансформации в новых федеральных землях.

Во-вторых, несмотря на разнонаправленную траекторию своего развития Германия и Россия были политическими и экономическими региональными лидерами. Первая в составе германо-французского тандема исполняла роль локомотива европейской интеграции. Вторая – после распада СССР – по инерции оставалась центром притяжения постсоветских республик.

В-третьих, окончание Холодной войны предоставляло обеим странам уникальный исторический шанс произвести расчеты с прошлым и в новых условиях обрести свое место на мировой арене. Объединенная Германия получила возможность стать первой среди равных на Европейском континенте не только в финансово-экономической, но и в других сферах. В свою очередь, избавившись от бремени сверхдержавы, Россия могла выбрать роль флагмана рыночных и демократических преобразований Восточной Европы и присоединиться к Евроатлантическому сообществу либерально-демократических стран.

В-четвертых, впервые за всю историю двусторонних отношений Россия и Германия строили свое будущее на основе демократических принципов, прав и свобод человека. Показательно было и то, что в условиях тяжелейшего кризиса руку помощи России протянула именно ФРГ, страна – представитель капиталистического мира, устои и принципы которого десятилетиями нещадно критиковались советскими теоретиками марксизма-ленинизма.

Германский истеблишмент всецело поддержал исходившие из Кремля импульсы к переменам.

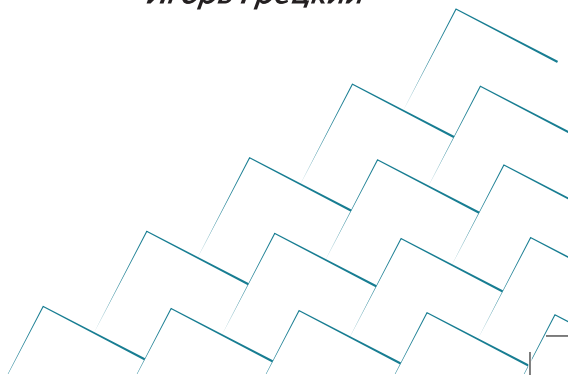
Наряду с США российское руководство придавало отношениям с Германией самый высокий уровень приоритетности. В целом

двустороннее сотрудничество между нашими государствами стало одной из основ мягкой трансформации системы международных отношений того времени.

Несомненным достижением эпохи Горбачёва – Коля было установление атмосферы открытого диалога и доверия. В той или иной степени она сохранялась вплоть до 2014 года. Даже несмотря на российский дефолт 1998 года, а также сильные расхождения в позициях по операции НАТО в Югославии и войне в Чечне, обе стороны продолжали искать возможности для взаимовыгодного сотрудничества. Берлин тогда казался естественным партнером для России по нескольким причинам: он не имел явно выраженных геополитических амбиций, объем двусторонней торговли непрерывно рос, а в списке инвесторов, как и кредиторов России, Германия лидировала с огромным отрывом от остальных стран. Правительство ФРГ даже выражало заинтересованность в развитии стратегического партнерства с Россией.

К сожалению, сегодня российско-германские отношения находятся едва ли не в наихудшем состоянии за последние 30 лет. Не будет преувеличением сказать, что в краткосрочной перспективе кардинальное улучшение атмосферы вряд ли возможно. Тем не менее в кризисные периоды исключительно важно оставаться приверженными принципам открытости и плюрализма, слышать каждый голос. Данный проект – это попытка в непростых политических условиях сохранить откровенный диалог на самые сложные темы и совместно найти образ будущего российско-германских отношений.

Игорь Грецкий

Эксперты с российской стороны

Николай Власов

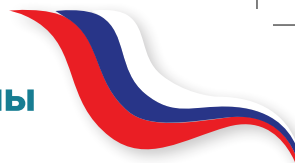
По образованию историк, в 2001–2005 годах работал в сфере связей с общественностью, с 2005 года преподает на факультете международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ). Кандидат исторических наук, доцент. Участник «Петербургского диалога» с 2006 года. Сфера исследований – германская история, внешняя политика и политика безопасности современной ФРГ.

Денис Волков

Социолог, руководитель отдела Левада-Центра. Принимал участие более чем в ста исследовательских проектах по социологии как аналитик и руководитель. Область научных интересов: природа поддержки российского политического режима, политическое и гражданское участие в обществе и молодежной среде, динамика отношений россиян к Западу. Колумнист РБК и Carnegie.ru. Изучал политическую науку в Московской высшей школе социальных и экономических наук (МВШЭН). Участник группы «Мастерская будущего» с 2013 года.

Эксперты с российской стороны

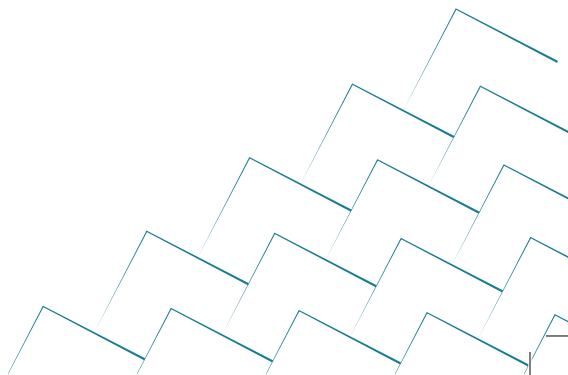

Маринэ Восканян

Публицист, политолог, координатор по международной работе и член организационного комитета Московского экономического форума (МЭФ). Член Экспертного центра Всемирного Русского Народного Собора (ВРНС). Более 15 лет работала в деловой, а затем политической журналистике. Соавтор ряда аналитических докладов и книг по проблемам экономического неравенства, среднего класса, теории информационных войн, о влиянии развития технологий на социум и культуру. В работе группы «Мастерская будущего» участвует с 2012 года.

Игорь Грецкий

Кандидат исторических наук, доцент факультета международных отношений СПбГУ. Специализируется на исследованиях международных отношений в Центрально-Восточной Европе. Эксперт группы «Мастерская будущего».

Эксперты с российской стороны

Фёдор Лукьянов

Главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», выходящего на русском и английском языках при участии американского журнала *Foreign Affairs*, председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), старейшей российской неправительственной организации, научный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай». Член президиума Российского совета по международным делам (РСМД) и профессор-исследователь факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Сергей Маркедонов

Доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики РГГУ, кандидат исторических наук, автор книг и статей о проблемах Кавказа, Черноморского региона и постсоветских этнополитических конфликтах. Эксперт РСМД и Фонда поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова. Участник группы «Мастерская будущего».

Эксперты с российской стороны

Иван Преображенский

Публицист, аналитик, кандидат политических наук. Специализируется на изучении актуальных политических процессов в странах Центральной и Восточной Европы, участник польско-российского экспертного клуба PL-RU и рабочей группы «Мастерская будущего» российско-немецкого форума «Петербургский диалог». Работал в Центре политических технологий, журнале «Профиль» и газете «Ведомости». Руководил международным отделом интернет-издания Страна.Ru, а затем отделом политики информационного агентства «Росбалт». В настоящее время европейский обозреватель ИА «Росбалт».

Екатерина Тимошенко

Заместитель руководителя Центра германских исследований, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН, кандидат исторических наук. Эксперт по вопросам внутренней и внешней политики Германии, российско-германским отношениям. Регулярно участвует в подготовке аналитических материалов для высших органов власти Российской Федерации, международных конференциях, германо-российских дискуссионных форумах. Участник группы «Мастерская будущего».

Эксперты с российской стороны

Дмитрий Травин

Научный руководитель Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге. Автор более десятка книг по вопросам российских экономических и политических реформ и опыта модернизации в европейских странах. Колумнист газет «Ведомости» и «Новая газета», интернет-изданий «Росбалт» и Republic.ru, журнала «Звезда». Лауреат Международной Леонтьевской медали «За вклад в реформирование экономики» и обладатель Гран-при конкурса «Золотое перо» журналистов Санкт-Петербурга. Участник группы «Мастерская будущего».

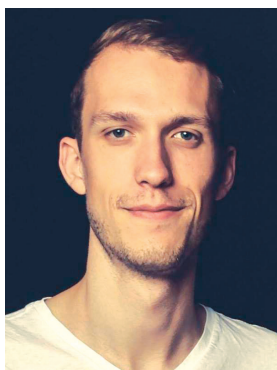
Татьяна Хрулёва

Журналист, обозреватель ИА «Росбалт». С 2012 по 2017 год – координатор совместного проекта ИА «Росбалт» и Фонда поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова. С 2018 года – научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге. Эксперт Фонда поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова. В работе группы «Мастерская будущего» участвует с 2011 года.

Эдвин Варкентин

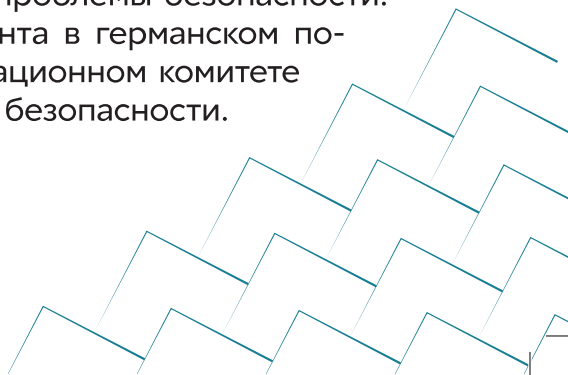
Изучал славянскую филологию, историю Восточной и Юго-Восточной Европы и политологию в Мюнхенском университете имени Людвига и Максимилиана. С 2011 по 2014 год – референт уполномоченного федерального правительства по вопросам переселенцев и немецких меньшинств в Федеральном министерстве внутренних дел. В последнее время работал в качестве научного сотрудника в Бундестаге, где занимался проблемами внешней и европейской политики, в частности вопросами внешней культурной и образовательной политики, отношениями с постсоветским пространством, политикой в отношении меньшинств и прав человека.

Лукас Вернер

Изучал регион Восточной Европы в университетах Магдебурга, Санкт-Петербурга и Вроцлава. В настоящее время завершил обучение в магистратуре по специальности «международные отношения» в Берлине и Вашингтоне, область специализации – политическая экономия России и проблемы безопасности.

Работал в качестве практиканта в германском посольстве в Москве и организационном комитете Мюнхенской конференции по безопасности.

Эксперты с германской стороны

Анн-Софи Гаст

Работает над диссертацией по теме евразийской интеграции и внешнеполитических интересов России в Берлинской школе транснациональных исследований. Научный сотрудник Центра восточноевропейских и международных исследований. Окончила бакалавриат по специальности «европейские исследования» в Университете им. Отто фон Герике в Магдебурге и в СПбГУ. Обучалась по совместной магистерской программе Свободного университета Берлина и МГИМО.

Штефан Майстер

Глава Центра изучения Центральной и Восточной Европы, России и Центральной Азии имени Роберта Боша при Германском обществе внешней политики (DGAP). Ранее – старший научный сотрудник DGAP и программы «Большая Европа» Европейского совета по международным отношениям. Область научных интересов: российская внутренняя, внешняя и энергетическая политика, отношения России и Евросоюза (ЕС), политика России на постсоветском пространстве. Соавтор книг «Россия, Запад и серая зона Европы» (2016), «Восточный вопрос» (2017) и «Российское досье» (2018). В работе группы «Мастерская будущего» участвует с 2008 года.

Ирене Остерле

Политолог и славист. Во время учебы в университете проходила стажировку в Европейском парламенте и Федеральном центре политического воспитания. После окончания учебы работала руководителем проектов в «Российско-германском форуме» и в издательстве, специализировавшемся на внешнеэкономической проблематике. Живет и работает в Берлине в качестве консультанта и менеджера проектов и коммуникации.

Фальк Тишendorф

Адвокат и управляющий партнер московского офиса «БАЙТЕН БУРКХАРДТ». Арбитр по международным коммерческим спорам МКАС при ТПП РФ и Арбитражного Суда АЕБ. Официальный представитель федеральной земли Мекленбург – Передняя Померания в Российской Федерации. Член правления Российско-Германской внешнеторговой палаты и руководитель Комитета по вопросам Комплаенс в Палате. Член правления Восточного института г. Висмара, а также член многочисленных германо-российских союзов и объединений. Участник группы «Мастерская будущего».

Эксперты с германской стороны

Хауке Ритц

Независимый эксперт и публицист, живет в Берлине. Получил докторскую степень по философии в Свободном университете Берлина. Автор книги «Борьба за толкование Нового Времени». На протяжении многих лет к сфере его научных интересов относится широкий круг вопросов: от философии истории до внешней политики и геополитики. Предмет особого интереса – значение российско-германских отношений в долгосрочной перспективе. В настоящее время занимается исследованием культурного измерения Холодной войны и ее долгосрочного воздействия. Принимал участие в работе группы «Мастерская будущего» и Молодежного форума «Петербургский диалог».

Сара Пагунг

Сотрудник по программам Центра имени Роберта Боша по Центральной и Восточной Европе, России и Центральной Азии при Германском совете по внешней политике (DGAP). В Центре имени Роберта Боша работает с декабря 2013 года. С 2018 года – координатор совместного проекта DGAP и Университета

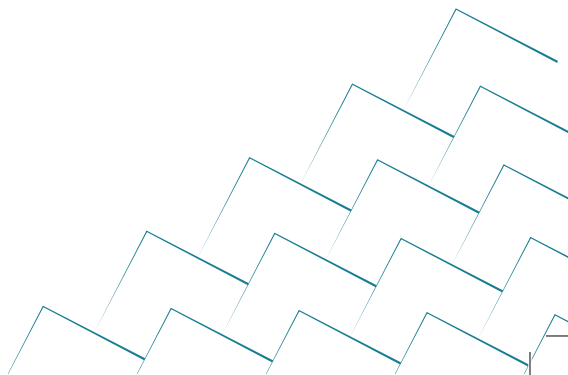
Джона Хопкинса. Ее исследовательская деятельность в основном посвящена российской внешней и информационной политике, а также политике безопасности на постсоветском пространстве. Регулярно участвует в на-

учных дискуссиях, посвященных трансатлантическим отношениям и вопросам безопасности. В настоящее время работает над докторской диссертацией, посвященной мягкой силе и политике принуждения России, в Свободном университете Берлина, где с 2007 по 2012 год изучала политические науки.

Юлиус Фрайтаг-Лорингхофен

С 2012 года руководит Московским бюро Фонда им. Фридриха Науманна и является участником «Петербургского диалога» – в первую очередь рабочих групп «Гражданское общество» и «Мастерская будущего». Кроме того, от своего лица развивает диалог двух стран через Германо-Российский Форум молодых лидеров, Фонд Бориса Немцов и Тёнисштайнский кружок. По образованию политолог (Кентский университет, Университет им. Людвига Максимилиана в Мюнхене), в 2008–2012 годах работал в агентстве Gplus Europe, VP Europe, Центре европейских политических исследований и Европейском парламенте. До учебы в университете жил в течение года в Санкт-Петербурге. Офицер резерва танковой разведки.

Отношения России и Германии последние 10 лет находятся в фазе турбулентности. Какие условия должны быть выполнены для изменения к лучшему их динамики и восстановления взаимного доверия?

Николай Власов

В первую очередь – и это актуально как для Берлина, так и для Москвы – обеим сторонам необходимо решить, что они в конечном итоге хотят от двусторонних отношений. Речь идет о «строительстве общеевропейского дома» или вполне достаточно просто достичь того уровня доверия, при котором каждая из сторон не будет считать другую источником актуальной военной угрозы? От ответа на этот вопрос зависят все дальнейшие действия, а также оценки динамики развития российско-германских отношений.

В любом случае, вне зависимости от выбранной цели, должны быть сделаны определенные базовые шаги по восстановлению доверия. К их числу относятся, безусловно, соблюдение Минских соглашений, меры по нормализации обстановки на востоке Украины и улучшению российско-украинских отношений. Кроме того, необходим определенный промежуток времени, в течение которого действия обеих сторон будут стабильными и предсказуемыми. Точно так же как и в отношениях между людьми, для восстановления доверия между странами требуется время. Как показывает исторический опыт, речь может идти как минимум о десятилетии.

Не стоит забывать, что, помимо политических связей, российско-германские контакты развиваются и на других уровнях. И здесь, естественно, существуют свои условия для развития позитивной динамики. Так, экономические отношения двух государств определяются в первую очередь состоянием российского рынка. Для германских компаний, работающих в России, двусторонние санкции стали гораздо меньшим источником проблем, чем кризис российской экономики, вызванный, вопреки распространенному мнению, далеко не только санкционными мерами. Впрочем, на экономическое партнерство не следует возлагать избыточные надежды, ведь, как показывает опыт, оно может быть мотором отношений только в том случае, если не противоречит динамике в других сферах.

Наилучшие перспективы для развития сотрудничества открываются в сфере гражданского общества. Именно здесь присутствует большой потенциал, который еще не реализован полностью. Более того, непосредственно эта область оказалась наименее затронутой кризисом двусторонних отношений. Например, на уровне научных и культурных обменов говорить о масштабной утрате доверия, наверное, в принципе не приходится. Для сохранения позитивной динамики на этом направлении достаточно, чтобы органы власти не тормозили развитие партнерства – а такая угроза, к сожалению, вполне

Эдвин Варкентин

По опыту последних лет – с момента войны в Грузии 2008 года – можно сказать, что поиск взаимного доверия в наших отношениях будет долгим. Внезапной «перезагрузки», как это бывало в прошлом, уже не получится.

В сфере дипломатии совместная работа над принципиальными соглашениями, обновлением двусторонних и многосторонних договоров могла бы придать отношениям новую динамику. Здесь речь в том числе идет об обновлении ОБСЕ и реформе Совета Безопасности ООН.

Гипотетически общий проект – это решение Сирийского кризиса. Россия могла бы наряду с военной операцией принять участие в восстановлении страны, а Германия – заняться реинтеграцией беженцев на их родине.

Экономическое сотрудничество следовало бы однозначно развивать в рамках партнерства в сфере модернизации. Необходимо создать в обществе предпосылки к тому, чтобы оживить дух Хельсинки. В германских общественных дебатах было бы хорошо обращать больше внимания на то, что у России тоже есть европейская идентичность. В России же не мешало бы отказаться от фиксации на США в дебатах о Германии и ЕС.

В сфере гражданского общества Германия и Россия могли бы снова сблизиться на почве совместного преодоления тоталитарного наследия в Европе. Германии это очень помогло в свое время завоевать доверие своих европейских соседей.

Денис Волков

Мне кажется, для начала России и Германии необходимо научиться слышать друг друга.

Диалог идет, но есть ощущение, что никто не воспринимает всерьез то, что говорит противоположная сторона, как будто

весь разговор ведется понарошку или его ведут глухие люди. Например, европейские государства, в том числе Германия, отмахивались от озабоченности российской элиты, что будущее Украины решается в одностороннем порядке. И по сей день эта проблема не снята. А в России считают, что Запад лукавит, когда рассуждает о ценностях и правах человека.

Думаю, доверие в отношениях начнет постепенно восстанавливаться, только когда Россия и Германия проявят больше ответственности и серьезно отнесутся к позиции партнера по диалогу.

Анн-Софи Гаст

Восстановление взаимного доверия находится на первом плане. Кроме того, на мой взгляд, очень важно, чтобы и на уровне политиков, и на уровне общества было больше диалога. Регулярный обмен информацией и согласование политики по меньшей мере так же важны, как и диалог в сфере гражданского общества. Необходимо больше площадок, на которых молодые немцы и русские могли бы встретиться и обсудить различные вопросы. Речь идет о научных конференциях, диалогах по политическим проблемам (например, диджитализации), программах публичной дипломатии или школьных обменах.

Идти к пониманию другого народа следует уже в раннем возрасте. Для школьников можно организовать краткосрочные программы обмена вроде тех, которые имеются у большинства немецких и французских школ. Кроме того, я считаю необходимым на уроках истории в немецких школах больше заниматься

российской историей, в частности царской России, революции 1917 года, Советского Союза. Знание создает понимание и интерес. Кроме того, необходим более интенсивный диалог и партнерские программы российских и германских университетов. Хороший пример – магистерская программа с двойным дипломом, организованная Свободным университетом в Берлине и МГИМО в Москве.

Маринэ Восканян

Говоря об утраченном политическом доверии, как российская, так и немецкая стороны подразумевают период некоторой давности, когда каждая из них видела другую через своеобразный фильтр своих ожиданий. Россия предполагала, что, поскольку она добровольно отказалась от конфронтации в виде Холодной войны, западные страны будут относиться к ней как к равной. Они же, в свою очередь, принимали по умолчанию, что наследница проигравшего Холодную войну СССР обязана занять позицию младшего партнера и учиться у них всему, в том числе принципам построения государства и общества. Сегодня считается, что и те, и другие ожидания были изначально нереалистичны, потому накопившиеся противоречия, подобно нарыву, прорвались в 2014 году в форме Украинского кризиса.

Однако чем больше каждая из сторон видела несоответствие другой тому, что «должно быть», тем больше пыталась усилить давление и уверялась в своей правоте. Именно эта самораскручивающаяся спираль непонимания и должна стать главным уроком произошедшего.

России изначально не стоило иметь иллюзий о возможности своей полноценной интеграции в западный мир. Те, кто на нее надеялся, неверно оценили весь сложный комплекс культурно-цивилизационных отличий, характеризующих Запад и Россию. Последняя, несомненно, разделяет с Европой общее античное и христианское наследие, имеет тесно переплетенную с ней историю и культуру и в этом смысле является ее полноценной частью. Но Запад и Европа – не синонимы.

Попытки Запада, в том числе и Германии, оказывать на Россию влияние – и даже давление – с целью ее трансформации по своим воображаемым образцам были также бессмысленными. В основе этой ошибки лежит та же причина. Даже если вы считаете себя намного сильнее вашего партнера или противника, необходимо понимать, что одни и те же стратегии не могут одинаково срабатывать в разных странах.

По сути, главная причина нынешних проблем – отказ обеих сторон видеть реальность так, как она есть, и желание воспринимать ее как хочется. Это совершенно контрпродуктивно, причем независимо от того, планируете вы партнерство или, наоборот, даже войну. Неверная оценка ситуации – всегда путь к неверной стратегии.

Главным условием восстановления доверия – а лучше сказать, построения нового, реалистичного доверия – должно стать объективное и системное обсуждение и изучение произошедшего. Мы должны проанализировать культурные, политические и социальные причины, сформировавшие существующие на сегодня в России и Германии, в России и Европе формы

политической, общественной, культурной и цивилизационной идентичности. Нам необходимо признание за «другим» права быть «другим».

Такого понимания сегодня часто не наблюдается. В Европе по-прежнему представляют некую собственную Россию, которой на самом деле нет. А в России видят какую-то свою Европу, которой тоже не существует. Очень хотелось бы, чтобы процесс такой «подготовки к пониманию» происходил в риторике спокойного мировоззренческого осмысления, и главное – вне штампов информационной войны.

Штефан Майстер

В первую очередь обе стороны должны признать, что отличаются друг от друга и занимают разные позиции по отношению к ключевым проблемам международной политики. Разрушить доверие можно быстро, а чтобы построить его заново, требуется несколько лет. В настоящий момент я вижу мало возможностей для построения доверия на политическом уровне, поскольку нынешнее российское руководство отворачивается от Европы и Германии, Германия и Россия движутся в разных направлениях. Фундаментом отношений может быть диалог на уровне общества, взаимный интерес жителей двух стран друг к другу. Этот диалог следует усилить, в том числе упростив визовый режим, организовав молодежные обмены и стипендиальные программы.

Экономические связи сохраняют большое значение, но потенциала для роста в настоящий момент у них нет. Тем не менее экономика в среднесрочной перспективе останется связующим звеном, хотя настоящий рост может прийти только после политических перемен в России,

которые создадут рамки правового государства и лучшие условия для инвестиций.

Игорь Грецкий

Отношениям между нашими странами нужна кардинальная перезагрузка. Однако простое обнуление перечня взаимных претензий вряд ли позволит коренным образом решить накопившиеся за последние годы разногласия и придать российско-германскому диалогу новое качество. Спустя несколько лет после рестарта мы с высокой долей вероятности столкнемся с прежними проблемами. Ренессанс двусторонних отношений возможен только при наличии общих ценностей и принципов.

Что нужно делать? Прежде всего, российскому обществу надо определиться с образом своего будущего. И мы, и зарубежные партнеры должны иметь четкое понимание того, куда идет Россия. Это позволит рационально подбирать инструменты и ресурсы для достижения целей в рамках двустороннего сотрудничества. Пока что у России образа будущего нет. Во времена Горбачёва – Ельцина Россия декларативно (на словах) считала своим ориентиром страны с консолидированной демократией и рыночной экономикой. Однако с приходом к власти Владимира Путина движение России по пути создания демократических институтов пошло вспять. Главная идея его правления заключалась в том, что жить и потреблять по-европейски можно и без демократических институтов, оставаясь авторитарным государством. Позже это легло в основу концепции «суверенной

демократии» Владислава Суркова. Тогда же появились планы догнать Португалию по душевому ВВП, а совокупный ВВП удвоить. Не вышло. Теперь же часто звучат призывы к поиску собственного пути. Но мы уже шли по нему безрезультатно семьдесят четыре года и заплатили за это очень высокую цену. Вряд ли российское общество готово к повторению подобных экспериментов.

А вот в условиях консолидированной демократии Россия не жила ни одного дня в своей истории. Уверен, что именно эта модель самая перспективная. Однако очевидно, что, по крайней мере, до 2024 года – до конца очередного президентского срока Владимира Путина – позитивный образ будущего в России не появится. Следовательно, раньше этого времени платформу для доверия между нашими странами создать не удастся. Главная проблема в том, что в России власть сверхцентрализована и персонифицирована. Такая система политических координат не создает внутри России стимулов для предметной дискуссии о своем будущем и выхолащивает политический процесс.

Ирене Остерле

На политическом уровне диалог ведется. Экономические связи снова приобретают динамику. Все объединения и организации, действующие в сфере российско-германских отношений, работают на усиление доверия. Тем не менее на политическом уровне должно быть произнесено четкое «да» российско-германскому сотрудничеству. Если мы действительно хотим улучшить отношения, пустых фраз недостаточно. Пример: в последнее время было много так

называемых «перекрестных годов» России и Германии в сфере культуры, молодежных обменов, науки или партнерств городов. Но эти мероприятия не привлекли внимания прессы и не получили должной политической поддержки.

Здесь имеет смысл обратиться к истории. В 2018 году Германия и Франция отмечают 55 лет с момента заключения Елисейского договора, который должен был закрепить примирение двух стран и стать основой для сотрудничества. Сделать это спустя всего лишь 18 лет после окончания Второй мировой войны было нелегко, однако имелась соответствующая политическая воля.

Конечно, у российско-германских отношений другие рамочные условия – как географические, так и мирополитические. Однако договорное закрепление общих целей сотрудничества могло бы придать российско-германским отношениям новую динамику. К этим общим целям могло бы, например, относиться облегчение визового режима или политическая поддержка расширения преподавания русского языка в немецких школах и немецкого – в русских. Или, например, поддержка восстановления институтов славистики, которые в 2000-е годы вымерли по всей Германии, благодаря чему научные исследования Восточной Европы и России сократились до минимума.

Возможно, Россия и Германия культурно не настолько близки друг другу, чтобы это стало возможным без преодоления существенных трудностей. Возможно, доверие в отношениях двух стран действительно сильно пострадало. Но его невозможно восстановить, отвернувшись друг от друга.

Фёдор Лукьянов

В последнее время с доверием, которое само по себе довольно эфемерное понятие, в отношениях России и Германии все нехорошо. События, связанные с Украинским кризисом, подорвали его с обеих сторон. Поэтому сегодня психологический и моральный фон, пожалуй, самый неблагоприятный за несколько последних десятилетий.

К тому же свою роль играют дополнительныеотягающие обстоятельства. Для Берлина проблемы функционирования Евросоюза настолько более приоритетны, чем отношения с Россией, что в каждом случае, когда эти темы приходят в противоречие, выбор делается в пользу поддержания европейского единства. Учитывая активность ряда стран ЕС, воспринимающих Россию крайне настороженно, Германия будет держать в отношении нашего государства более длинную дистанцию, чем в прежние годы.

Для России основное значение, пожалуй, имеет процесс медленного, довольно тяжелого и пока не очень структурированного переосмысления своего места в Евразии. Я не хочу сказать, что она отворачивается от Европы. Но сейчас объективно идет изменение баланса внимания, уделяемого восточной и западной части континента. Это долгий процесс, который с историческими и культурно-психологическими обстоятельствами связан в гораздо большей степени, чем с политическими. В итоге у Москвы тоже нет прежнего острого желания ориентироваться на Европу.

Так что объективно получается, что и для России, и для Германии взаимная приоритетность снизилась.

Сара Пагунг

Восстановление доверия – процесс долгий, и в краткосрочной перспективе достичь существенного прогресса не получится. Европа, в частности Германия, окончательно перестала доверять России после 2014 года, хотя существенные разногласия и недопонимания начали появляться еще в конце 1990-х – начале 2000-х. События в Крыму и на Донбассе просто стали критической точкой. Особенно чувствительным моментом была ложь Путина о том, что Россия не вмешивается в дела на Украине.

Для перемен к лучшему России в первую очередь следует доказать, что ей снова можно верить и что ее слова соответствуют действиям. Определенные шаги, конечно, требуются и со стороны Запада. Германия и ее союзники должны предложить реальное стратегическое обсуждение общего порядка безопасности в Европе. При этом им необходимо донести до России, что для нее не представляют угрозу ни расширение НАТО на Восток, ни смена режимов в соседних с ней государствах, суверенитет которых обязательно должен быть обеспечен. Но, как я уже сказала, добиться позитивных изменений быстро не получится.

В краткосрочной перспективе нам нужно хотя бы обеспечить наличие доверия в военной сфере. Точно необходимо избегать прямых конфликтов – таких как, например, опасное сближение российского истребителя и американского самолета-разведчика над Черным морем. Такие эпизоды способны привести к непреднамеренной эскалации, которой во что бы то ни стало надо избежать. В этом отношении следует, к примеру, обеспечить нормальную совместную

работу гражданских морских служб. Подобное сотрудничество поможет, в том числе деконструировать образ врага и разрушить стереотипы с обеих сторон.

Сергей Маркедонов

В экспертных кругах широко распространено мнение, что отношения России и Германии «дали течь» после присоединения Крыма и конфликта на Донбассе. Но мне кажется, что у этого подхода много изъянов. У наших стран и раньше были серьезные разногласия вокруг постсоветского пространства. Например, после Пятидневной войны 2008 года Германия осудила Россию за диспропорциональное применение силы и уже почти 10 лет четко и последовательно выступает за территориальную целостность Грузии. Также весьма критичной была позиция Берлина в связи с планом Дмитрия Козака по Приднестровскому урегулированию.

В то же время нельзя считать, что германская политика тождественна курсу, проводимому США. В частности, Германия – противник ускоренного вхождения Грузии в НАТО и не особо приветствует членство Украины в этой организации. При всех серьезных расхождениях немецкое правительство неизменно выступает за диалог с Москвой по конфликтным ситуациям на территории бывшего СССР. Другой вопрос, что в этом диалоге именно Россия считается «ответственной за уступки».

Однако как этот диалог будет проходить, не до конца понятно. И здесь ни в коем случае нельзя забывать о ключевой проблеме постсоветского пространства: расколотости обществ, строящих новую

независимость после распада СССР. Она приводит к тому, что различные внутренние силы в постсоветских государствах всячески стараются привлечь на свою сторону внешних акторов, которые, в свою очередь, используют ситуацию для усиления собственного присутствия в регионе. И я думаю, что пока все они – ЕС (в том числе, Германия), Россия, США – не научатся находить компромиссные решения, дело вряд ли сдвинется с мертвой точки.

Пока, к сожалению, я не вижу стремления к поиску взаимовыгодных вариантов. На мой взгляд, чтобы достичь хотя бы небольшого прогресса, во-первых, Германии необходимо более четко артикулировать свои интересы. Во-вторых, должно быть понятно, чего хочет Россия. Кроме того, странам ЕС нужно принять факт, что российская роль не состоит в увещевании неудобных сил, в том числе руководства Донецкой и Луганской Народных Республик.

Конечно, большинство германских экспертов признают, что проблема Донбасса, Приднестровья и Кавказа не решается без российского участия. В то же время немецкая сторона не хочет ответить на вопрос, что должна получить Россия по итогам возможного компромисса. Если это обстоятельство не учитывать, усиления конфронтации, возможно, и не будет, но улучшения отношений между Москвой и Берлином мы точно не увидим.

Хауке Ритц

Способа быстро и просто улучшить российско-германские отношения не существует. Важно понять, что речь

идет не о конфликте, который может быть разрешен, если каждый примет 50% позиции другого. Так можно действовать в экономических вопросах – каждый чуть-чуть уступает, и встреча происходит на полпути. Однако в данном случае такое решение невозможно, поскольку мы имеем дело с конфликтом, у которого глубокие исторические и даже философские причины. Говоря о философских причинах, я имею в виду тот факт, что кризис российско-германских отношений является одним из последствий того духовного и культурного кризиса, в котором находится весь западный мир. Напряженность между США и Россией – или Западом в целом и Россией – лишь отражение этого кризиса.

В первую очередь надо учесть, что с начала Нового времени, то есть с открытия Америки, западный мир находился в доминирующей позиции по отношению ко всем другим культурам. В прошлые столетия Запад всегда был способен вторгнуться в другие культурные ареалы и приспособить их к своим нуждам как в экономическом, так и в культурном отношении. Распад Советского Союза в 1991 году еще относился к этой эпохе. Однако 500-летняя история западноевропейской гегемонии подходит к концу благодаря подъему Китая, Индии и многих других стран. Только когда это развитие будет в интеллектуальном и культурном отношении воспринято и осмыслено в Вашингтоне, Париже и Берлине, можно будет говорить о решении нынешнего конфликта Запада и России.

Однако в западном мире все еще царит склонность к отрицанию реальности. Здесь повторяют мантру о «победе» в Холодной войне – весьма сомнительной победе, которая к тому же уже давно ничего не значит.

Иван Преображенский

Трудно согласится с тем, что отношения России и Германии находятся в фазе турбулентности именно в течение последних 10 лет. За это время они значительно менялись. Недаром российские и немецкие власти не сходятся во мнении о том, что нужно считать точкой отсчета, после прохождения которой отношения были радикально испорчены.

Немецкий взгляд на проблему предельно прост. Главное препятствие – это действия, предпринятые Россией в 2014 году и приведшие к введению против нее санкций со стороны Евросоюза, США и их союзников. Для отмены этих мер Россия должна доказать, что не является стороной конфликта на Донбассе, добиться реинтеграции двух марионеточных республик в состав Украины и, наконец, еще и вернуть в состав последней Крым.

Россия, в свою очередь, отказывается признавать, что в нынешнем ухудшении отношений ключевую роль играют события 2014 года, а не возникавшие ранее противоречия. Москва уверяет, что российская стратегия сводилась лишь к защите своих интересов теми средствами, которые на тот момент были доступны. Поэтому первых шагов к нормализации отношений надо ждать от Запада – в случае с ФРГ от властей Германии.

Естественно, и российская, и немецкая стороны понимают, что ожидать в обозримом будущем примирения и нормализации отношений бессмысленно. Так что пока необходимо искать и возвращать в публичную повестку темы, которые Москва и Берлин могут обсуждать, не рискуя непременно зайти

в тупик. Речь, например, должна идти об укреплении двустороннего экономического сотрудничества в сферах, не затронутых санкциями. Германия могла бы привлекать Россию к предлагаемым Берлином и Парижем общеевропейским проектам, выходящим за границы Европейского союза.

Практически неизбежно и сотрудничество в борьбе с международным терроризмом. К сожалению, кроме этого направления, ни одна из тем в области безопасности не может сегодня, при нынешнем предельно низком уровне взаимного доверия, обсуждаться Россией и Германией всерьез. Тем не менее конечной целью должно быть именно возвращение на первый план в переговорах о сотрудничестве повестки безопасности, которая сейчас актуальна для всего мира.

Без более конкретных шагов навстречу друг другу говорить о восстановлении доверия или даже просто улучшении динамики двусторонних отношений сегодня не приходится. Тем более что проблемы вынуждены решать лидеры, которые накопили изрядный багаж не только коллективного, но и персонального недоверия за последние полтора десятилетия сотрудничества и противостояния России и Германии.

Фальк Тишендорф

Да, с доверием всегда такая история: кто не доверяет – тот не находит доверия. Оно ориентировано на будущее, базируясь при этом на опыте прошлого.

Это, по сути, некая форма взаимного признания.

Доверие основано на надежном поведении и потому играет важную роль во всех видах социального взаимодействия. Без него у

нас был бы абсолютный застой, независимо от того, о каких отношениях идет речь: внутри семьи, в деловой среде или в сфере политики. При этом мы не должны забывать, что всегда говорим о людях: люди формируют доверие – а не государства.

Если мы исходим из надежного поведения как основы доверия, то ответ на вопрос о том, как можно его восстановить, становится непростым. Боюсь, в этом случае нет различия между отдельными уровнями отношений. И есть только одно средство: коммуникация в форме диалога. Давайте вспомним о том, что такое диалог. Само слово происходит из греческого и означает *dia* ('через') и *logos* ('слово', 'смысл'). Тем самым оно предполагает внимание и восприятие в разговоре и является, вероятно, одной из форм коммуникации, при которой речь идет не только об изложении наших взглядов и воззрений, но и об объяснении того, что действительно лежит в их основе. Успешный диалог предполагает, что мы не только в состоянии объяснить наше поведение, но и готовы принять взгляды и воззрения нашего собеседника, - даже при том, что восприятие есть явление субъективное. Два монолога или жаркая дискуссия – это еще совсем не диалог. В нем нет авторитетов, нет экспертов или тех, кто всегда знает, как лучше. И знание в диалоге есть прерогатива всех без исключения его участников.

В поисках диалога мы просто обязаны осознать необходимость поставить себя на место собеседника. Мы непременно должны учитывать точку зрения всех его участников, тоже, как и наша, основанную на опыте и жизненных обстоятельствах. Нам следует понять собеседника – или, по меньшей мере, попытаться понять. Если

мы вступаем в диалог, то надо быть готовыми поставить под сомнение свои собственные взгляды и по-новому систематизировать определенные вещи. Если мы будем исходить только из наших собственных условий и считать их единственно правильными, – диалога не будет.

Насколько мы готовы сегодня принять точку зрения русских? Или мы по-прежнему заведомо знаем, кто и что есть русские, каковы их намерения, в чем они виноваты и почему?

Тем не менее в определенных областях общественной жизни диалог успешно продолжается. Например, в рамках российско-германского молодежного обмена, в ежедневных взаимоотношениях российских и немецких коллег на предприятиях, в различных объединениях, учреждениях. Искусство заключается в том, чтобы вновь наладить такой диалог на политическом уровне. И в том, чтобы обязательно предостеречь нас всех от проецирования подорванного в политике доверия на иные общественные отношения. Если нам это удастся – считайте, мы многого достигли, ибо такая угроза весьма реальна.

Екатерина Тимошенко

Отношения России и Германии начали ухудшаться еще до Украинского кризиса. Но до 2014 года все были уверены, что экономика неизменно будет доминировать над любыми разногласиями и бизнес в любом случае проложит себе дорогу.

Однако присоединение Крыма и последующие события привели к тому,

что политические убеждения оказались для Германии выше экономических интересов. И, на мой взгляд, для российских политиков и экспертов это стало настоящим шоком, который по сей день до конца не прошел.

Тем не менее у обеих сторон есть понимание, что диалог необходимо продолжать. Конечно, без восстановления доверия он неизменно будет пробуксовывать. И для начала стоит определиться с тем, что нужно понимать под этим термином в данном контексте – все-таки сотрудничество на уровне государств отличается от личных отношений. В научных дискуссиях, как правило, отмечают, что укреплению доверия способствуют общие ценности. Однако по этому вопросу у России и Германии сегодня немало разночтений.

Поэтому одним из основных элементов российско-германского партнерства в будущем должно стать строительство системы взаимозависимости, разрушение которой будет невыгодно всем сторонам. Вилли Брандт был уверен, что изменения всегда происходят через сближение. Я думаю, его формула не потеряла актуальность по сей день.

Без сомнения, учитывая глубину кризиса, это будет очень долгий процесс. И на данном этапе, пожалуй, особое внимание необходимо уделять направлениям, которые на протяжении многих лет – и даже десятилетий – оставались в тени.

Ведь по-настоящему активно развивались только взаимовыгодные деловые отношения России и Германии. А вот культурные связи и взаимодействие гражданского общества рассматривались исключительно как

«попутчики» огромных экономических интересов, обслуживаемых политическим классом. Их роль в итоге долгое время оставалась недооцененной.

Вместе с тем именно эти сферы сегодня стараются говорить «нет» ухудшению двусторонних отношений. К примеру, за последние четыре года произошла активизация целого ряда гражданских инициатив. Среди них особенно выделяется деятельность русскоговорящих жителей Германии. В результате политические партии ФРГ даже стали уделять больше внимания данной группе граждан, осознав, что это избиратель, за которого нужно бороться.

Поэтому я думаю, что в ситуации, когда на высшем уровне договориться не удастся, должен расширяться диалог между представителями культуры, науки и гражданского общества. Потенциал также есть у сотрудничества между регионами. В сегодняшних условиях развитие «народной дипломатии» – наилучший рецепт формирования атмосферы доверия и понимания.

Дмитрий Травин

Я думаю, что в ближайшее время отношения Германии и России не удастся восстановить на прежнем уровне, поскольку сильные игроки не заинтересованы в их улучшении. Российское руководство не может поступиться своими принципами и приобретениями – прежде всего Крымом. А западные политики не пойдут навстречу России без серьезных уступок с ее стороны.

В хороших отношениях, разумеется, заинтересован бизнес, но и здесь есть нюансы. Германии нужен российский рынок, но в то же время объем товарооборота между нашими странами не настолько большой, чтобы этот вопрос считался жизненно важным для немецких деловых кругов.

А российский бизнес очень разный. Одни отрасли ждут восстановления отношений. Другие, напротив, выигрывают от политики импортозамещения и просят продлить санкции на как можно больший срок. В первую очередь речь идет о производителях продуктов питания. Но в любом случае бизнес в России – игрок слабый, и власть в нашей стране устроена так, что мало кто обращает внимание на интересы делового мира.

Поэтому, на мой взгляд, прогресс возможен, только если хотя бы одна из сторон пойдет на серьезные уступки: Запад «закроет глаза» на Крым или Россия вдруг найдет возможность вернуть его Украине.

Небольшие шаги навстречу друг другу на ситуацию особо не повлияют. До недавнего времени я предполагал, что позитивную роль может сыграть выполнение Минских договоренностей. Тем более что западные государства неоднократно давали понять, что после их реализации часть санкций можно будет отменить.

Но прошло уже много времени. Минские соглашения не выполняются. Украина обвиняет в этом Россию, а Россия – Украину. В итоге создается впечатление, что невыполнение договоренностей выгодно обеим сторонам. Вряд ли Киев всерьез хочет вернуть Донбасс под свое крыло, поскольку непонятно, что с ним потом делать. Этот регион разорен как

экономически, так и политически, а его население не очень хочет быть в составе Украины.

Россия также не больно заинтересована в усилении контроля Киева над Донбассом. Официальная позиция Москвы вообще состоит в том, что она в конфликт не вмешивается – а значит, повлиять на происходящее на востоке Украины не может. В итоге получается тупик, из которого пока не видно выхода.

Юлиус Фрайтаг-Лорингхофен

Чтобы восстановить доверие, необходимо время. Для этого нам всем нужно говорить друг с другом открыто и придерживаться определенных правил:

1. Сделать коммуникацию более интенсивной: ничто не укрепляет доверие так, как регулярные откровенные разговоры.

2. Открытость и аутентичность: если человек всего лишь повторяет официальную позицию, это не выглядит ни искренним, ни аутентичным.

3. Честность: сказать «об этом я говорить не могу» намного лучше в плане формирования доверия, чем любая красивая ложь.

4. Особенная честность в отношении собственных ошибок: только тот, кто способен на самокритику, демонстрирует достаточную открытость для того, чтобы воспринимать всерьез своего собеседника.

5. Время: процесс важнее быстрого результата, потому что доверие создается только постепенно.

Татьяна Хрулёва

Учитывая накопившийся комплекс противоречий, период турбулентности в отношениях России и Германии будет длиться еще не один год. Подходы Москвы и Берлина к оценке причин нынешнего кризиса и путей выхода из него серьезно расходятся. Пока ничто не свидетельствует о том, что стороны готовы начать искать некий общий знаменатель и идти на взаимные уступки, без которых вряд ли будет возможно какое-то продвижение вперед. Так что, по сути, проблема восстановления доверия на высшем уровне сейчас даже не стоит на повестке дня, и текущая задача заключается хотя бы в недопущении ухудшения отношений – а подобный риск существует. Кардинальные перемены наметятся, скорее всего, только при следующем поколении политических лидеров.

Пока что положительная динамика возможна лишь в областях, опосредованно затронутых политическими разногласиями. В частности, результаты может принести развитие отношений в сферах гражданского общества, культуры, науки, образования. На протяжении многих лет данным направлениям отводилась второстепенная роль. Между тем укрепление именно этих контактов поможет заложить основу для нового формата российско-германского диалога в будущем. Многие будут зависеть и от того, насколько в условиях санкций и проблем на российском рынке деловые круги сумеют сохранить наработанные за прошедшие годы связи. Очевидно, что актуальным также будет оставаться сотрудничество в рамках борьбы с международным терроризмом.

Кроме того, восстановление доверия совершенно невозможно без

прекращения информационного противостояния, имеющего место с обеих сторон. Его последствия могут оказаться гораздо более серьезными и труднопреодолимыми, чем кажется на первый взгляд. Штампы и ярлыки, укореняемые в массовом сознании, как правило, оказываются крайне жизнеспособными. И привычка воспринимать действительность сквозь их призму рискует привести в итоге к тому, что вне зависимости от любых политических перемен наши общества так и будут относиться друг к другу с подозрением и недоверием.

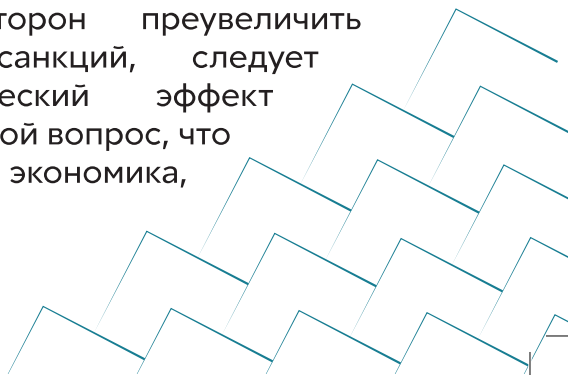
Санкции, введенные ЕС к отдельным физическим и юридическим лицам, а также продовольственное эмбарго России в отношении ЕС – беспрецедентное явление в истории двусторонних отношений. Насколько существенны последствия этих взаимных ограничений для России и Германии? Была ли альтернатива санкциям? И существует ли она сегодня?

Николай Власов

Рассуждая о последствиях введенных ограничений, нужно сразу оговориться, что в различных сферах они проявляются по-разному. В экономической области ключевым фактором, влияющим на двусторонние отношения, стал кризис в России, лишь частично связанный с введением санкций. Они лишь несколько усугубили уже назревавшие проблемы в российской экономике, сильным шоком для которой стало падение цен на энергоносители во второй половине 2014 года. Сокращение объемов спроса, падение покупательской способности российских граждан, в свою очередь, ударили по германским компаниям, продающим свои товары и услуги в России, гораздо сильнее, чем продовольственное эмбарго.

Поэтому, несмотря на желание некоторых политиков с обеих сторон преувеличить последствия взаимных санкций, следует признать их экономический эффект достаточно умеренным. Другой вопрос, что более сильная германская экономика,

безусловно, перенесла эти ограничения гораздо легче, чем российская, находящаяся в состоянии кризиса и испытывающая целый ряд серьезных проблем.

Что касается возможной альтернативы санкциям как таковым, то со стороны ЕС она, в общем-то, отсутствовала. На сегодняшний день такого рода ограничения – практически единственный инструмент, позволяющий оказывать давление без риска полного разрыва отношений и военной эскалации. Именно поэтому он и применяется столь широко в международных отношениях последних десятилетий, несмотря на его довольно спорную эффективность.

Вопрос же о том, насколько оправдана конкретная форма санкций ЕС в данном случае, более сложен. Однако, на мой взгляд, любые возможные альтернативы предусматривали бы более жесткие ограничения. Российские же «контрсанкции» являлись скорее демонстративным жестом, в котором не было большой практической необходимости. Однако отменить их в одностороннем порядке для российского руководства теперь гораздо сложнее, чем ввести.

На сегодняшний день в контексте целей, которые преследует каждая из сторон, отмена взаимных санкций без предварительного достижения серьезных политических договоренностей не выглядит реалистичным вариантом. В этом смысле альтернативы им не существует. Фактически она может появиться только в том случае, если Россия или ЕС, в том числе Германия, существенно переосмыслят цели и задачи своей внешней политики.

Эдвин Варкентин

На Германию российские санкции оказали ограниченное воздействие. Затронутые ими компании смогли в кратчайшие сроки переориентироваться на другие рынки. Сокращение двусторонней торговли было вызвано рецессией в российской экономике, которая, в свою очередь, объясняется ее структурными проблемами, низкой ценой на нефть и падением курса рубля. Рост числа бедных в России определенно объясняется не западными санкциями.

Существуют разные экономические санкции – вплоть до того объема, который введен против Северной Кореи. Нынешние санкции ЕС против России стали наименьшим общим знаменателем пожеланий всех государств-членов. Альтернативным сценарием было бы ярко выраженное военное сдерживание вплоть до активной операции войск ЕС на территории Украины, однако этот вариант вполне разумно был отвергнут с самого начала. Исключение России из международных организаций, таких как ВТО, также было возможно, однако никогда всерьез не обсуждалось.

С сегодняшней перспективы избранные средства представляются практически оптимальными, поскольку непосредственный ущерб экономика обеих сторон невелик, однако при этом в фазе эскалации было остановлено масштабное кровопролитие, а также приняты меры по урегулированию конфликта. Урок, который мы можем извлечь из событий последних лет, заключается в том, что санкции являются исключительно средством сдерживания конфликтов, однако в краткой и среднесрочной перспективе не ведут к изменению позиции затронутого ими

общества. Преодоление конфликтных ситуаций между обществами должно происходить в ходе открытых дебатов и диалога, однако этому не способствуют каскады санкций.

Денис Волков

Мне кажется, что российское население адаптировалось к режиму санкций. Изначально их восприняли как однозначно недружественный шаг, в результате чего произошла мобилизация вокруг лидера. Неудивительно, что около 70% россиян считают, что Россия должна продолжать свою политику, невзирая на торговые и финансовые ограничения. По сути, они даже сыграли на руку российским властям.

В то же время пик негативного отношения к западным странам пришелся на конец 2014 – начало 2015 года. Сейчас многие эмоции позади, и общественное мнение начинает склоняться к тому, что нужно искать пути выхода из кризиса. Почти 80% россиян сегодня считают, что России следует налаживать отношения с США и другими странами. Но одновременно большинство уверено, что Россия не должна делать первый шаг, поскольку это будет выглядеть как уступка и слабость. Согласно массовым представлениям (и заявлениям российского руководства), «не мы первыми начали», поэтому «не нам первыми и извиняться».

То, что какие-то меры по ослаблению санкционного режима, пусть даже символические, предпримет в итоге Германия, мне кажется более реальным вариантом. Но в Европе сначала должны решить, в чем главная цель такой политики по отношению к России и насколько

реально решить все поставленные задачи. Проблемы российской экономики преимущественно не связаны с санкциями, а нынешний политический режим довольно устойчив. Поэтому надеяться на существенные перемены в России под воздействием внешнего давления, на мой взгляд, не стоит.

Лукас Вернер

При рассмотрении европейских санкций, которые стали реакцией на Украинский кризис, важен дифференцированный подход. Некоторые из них, например, прекращение переговоров об упрощении визового режима, на мой взгляд, контрпродуктивны для обеих сторон. Ведь как раз во времена напряженности следует укреплять диалог между обычными гражданами и гражданскими обществами двух стран, тем самым способствуя отказу от взаимных предрассудков. Россия – это не только Путин, Германия – это не только Меркель. Те связи и общие черты, которые есть у России и Германии, выходят далеко за пределы «большой политики», и потому очень жаль, что многогранный диалог ограничивается из-за политических конфликтов.

Однако введение санкций против конкретных лиц и институтов я считаю правильным. Многие граждане, попавшие под санкции, относятся к «внутреннему кругу» российского руководства и поддерживают политику дестабилизации. Они выдают себя за истинных патриотов, однако сами хранят гигантские состояния за рубежом, посылают своих детей в европейские школы и предпочитают проводить отпуск на западных курортах класса люкс. Это трудно назвать иначе

как шизофренией. Я также считаю вполне уместным введение ограничений против энергетической отрасли, которая длительное время поддерживала в России социальные контрасты и помогала искусственно сдерживать важные трансформационные процессы в политической, экономической и общественной сфере. Жаль только, что санкции, имеющие мало отношения к экономическому кризису в России как таковому, были использованы правительством и СМИ для того, чтобы свалить вину за российские проблемы на границу.

Я хотел бы, чтобы санкции и дальше применялись в качестве четкого и однозначного ответа против лиц и институтов, которые разжигают конфликты. Одновременно, однако, следует предпринимать усилия для того, чтобы облегчить диалог обычных людей. Сюда относится возможность безвизовых поездок, увеличение финансирования и поддержка развития партнерских отношений, программы обмена и совместные проекты в первую очередь для школьников и студентов. Такая «двойная стратегия» могла бы противостоять усилиям российского правительства и СМИ, пытающихся переложить ответственность за внутривнутриполитические проблемы на чужие плечи.

Маринэ Восканян

Главная опасность санкций состоит не в том, что они наносят какой-то измеримый экономический ущерб. Их применение – способ выразить свое отношение к стране, как бы нас ни убеждали в обратном сторонники подобных мер. Вы не можете одновременно вводить против кого-то определенные ограничения и при этом говорить о своем уважении и желании

сотрудничать в других сферах.

Абсурдность такого подхода доказывается не только опытом санкционного давления на другие страны – они все равно не изменили радикально свои позиции. В межличностных отношениях все работает точно так же.

Допустим, ваш сосед совершил действие, которое вы оцениваете как противоправное. Вы можете самостоятельно предпринять против него силовые меры или же обратиться в полицию. Можете вообще отказаться общаться с ним. Можете никак не реагировать. Но вы не можете сказать ему: «Я теперь не буду пропускать к твоему дому машины с грузами, чтоб нанести тебе ущерб, но вот забор на нашей улице давай будем чинить вдвоем, так удобней». Поэтому главный ущерб нанесен не в сфере экономики.

Кроме того, фундаментальным последствием санкций для российского экономического мышления стало осознание факта, что доверять западным производителям и инвесторам больше нельзя. И не потому, что они сами по себе ненадежны, а по той причине, что руководство их стран может в любой момент потребовать ограничить или прекратить сотрудничество с Россией. К тому же действия США ясно демонстрируют, что «санкционная война» продлится не пару лет, а очень долго, возможно, еще не одно десятилетие. И впереди не отмена нынешних санкций, о чем любят риторически говорить европейские политики, а, наоборот, ужесточение старых и введение новых.

С одной стороны, это приводит к перераспределению долей рынка в

пользу неевропейских партнеров. С другой, Россия вынуждена больше обращать внимания на поддержку отечественного бизнеса. Сторонники жесткого протекционизма в России получили абсолютно железный аргумент, что деловое сотрудничество с ЕС и США просто экономически небезопасно. А главной жертвой санкций в итоге оказывается именно европейский бизнес, работающий с Россией.

Анн-Софи Гаст

От санкций пострадали как Россия, так и страны ЕС. Немецкий экспорт в Россию сократился в 2014 году на 6,5 млрд евро, в 2015 году – на 7,5 млрд евро. Особенно сильно задеты банковский сектор, автомобильная промышленность и машиностроение. Однако последствия для российской экономики оказались тяжелее, чем для германской, поскольку Германии проще диверсифицировать свой экспорт и переключиться на другие рынки сбыта. К тому же российская экономика ослаблена снизившимися ценами на нефть и газ. Тем не менее в интересах германской экономики в долгосрочной перспективе отменить санкции, поскольку связанное с последними сокращение экспорта оказывает влияние на объем производства и занятость.

На мой взгляд, альтернативы санкциям нет, поскольку Россия не изменила свою политику в Украинском конфликте, по-прежнему отрицает свое участие и продолжает поддерживать сепаратистов на Донбассе. Снятие санкций со стороны ЕС привязано к выполнению Минских соглашений. Если окажется, что в нынешней форме реализовать их

невозможно, то необходимо договориться о новой дорожной карте, которая четко определит обязанности участвующих в конфликте сторон и зафиксирует график их выполнения. Тогда постепенная отмена санкций могла бы быть привязана к реализации отдельных этапов. Однако Россия по-прежнему является стратегическим партнером для германской экономики, и я считаю, что двусторонняя торговля после отмены взаимных ограничений быстро приобретет прежнюю динамику.

Игорь Грецкий

Действительно, для новейшей эпохи двусторонних отношений санкции являются беспрецедентным явлением. Но для отношений Запада и СССР в эпоху Холодной войны их использование было довольно обыденной вещью. Санкции применялись обеими сторонами: Советский Союз устраивал блокаду Западного Берлина, Запад вводил ограничение на продажу СССР новейших технологий. Безусловно, для Советского Союза последствия были куда более болезненными, поскольку он в незначительной степени был интегрирован в мировые потоки товаров, финансов и услуг. Однако СССР приходилось крепко задумываться, когда под угрозой санкций могли оказаться его сателлиты, в большей степени зависящие от торговли с Западной Европой. Речь, в частности, о ГДР.

Для того чтобы ответить на вопрос, была ли у Германии альтернатива санкциям, нужно обратиться к историческому опыту отношений СССР и Запада. В 1968 году СССР совершил акт агрессии по отношению

к Чехословакии и вторгся на ее территорию в целях воспрепятствования либерализации политического режима и проведению экономических реформ, инициированных А. Дубчеком и Л. Свободой. Запад в тот момент промолчал. Хрущев и Брежнев до 1968 года в своей внешней политике принимали во внимание фактор санкций, понимая, что издержки от их введения могут быть слишком большими. Например, Хрущев осознавал, что в случае подобного шага в отношении ГДР именно СССР пришлось бы компенсировать выпадавшие доходы от ее торговли с ФРГ. Невведение санкций в 1968-м имело свои последствия – в окружении Брежнева сторонники жесткой линии укрепили позиции. Кроме того, чехословацкий опыт играл свою роль при принятии решения об «оказании помощи» Афганистану в 1979 году.

Эффективность санкций – вопрос дискуссионный. Без учета их объема, целей и продолжительности оценка результатов санкционной политики является бесполезным занятием. Например, если сравнить объем ограничений, введенных в отношении Ирана и России, то разница будет огромной.

Бывают ситуации, когда санкции вводятся исходя из репутационных и имиджевых соображений. В таких случаях символические санкции лучше, чем отсутствие какой-либо внятной реакции вообще. Например, они являются безальтернативной ответной мерой на акты агрессии и нарушение фундаментальных основ системы международных отношений. Самым мощным шагом

Запада могло быть введение санкций в отношении поставок из России энергоносителей. Однако Германия находится в числе тех стран, которые будут блокировать подобные инициативы.

Штефан Майстер

Влияние санкций я считаю ограниченным. Со стороны ЕС они сформированы таким образом, чтобы не причинять слишком сильной боли обеим сторонам и чтобы ключевой сектор сотрудничества – энергетика – оказался затронут лишь в ограниченном объеме. Российские контрсанкции могут быть болезненными для сельского хозяйства, но многие фирмы в ЕС уже переключились на новые рынки.

Санкции – это реакция на российскую аннексию Крыма и инициированную Россией войну на востоке Украины. Альтернативой могли быть военные действия, по поводу которых не было консенсуса и которые привели бы к дальнейшей эскалации. Поэтому относительно небольшие санкции были «мягким» способом для ЕС сохранить лицо в этом конфликте и не спровоцировать еще более масштабные военные действия с российской стороны. Отмена санкций без уступок от России была бы грубой ошибкой. В Москве в этом случае поняли бы, что могут развязать войну в соседней стране, а ЕС однажды просто отменит санкции, если вообще сможет их ввести. Это имело бы фатальные последствия.

Фёдор Лукьянов

Торговые эмбарго существовали всегда, просто санкционное давление имело разный характер. Во время Холодной войны Советский Союз почти всегда был под действием каких-либо ограничений.

Нынешнее положение воспринимается как нечто странное на фоне

оптимистичных намерений 1990–2000-х годов. Тогда казалось, что, несмотря на все сложности, Россия и Германия движутся к некой экономической и даже нормативно-правовой синергии. И хотя кризис этой модели начался довольно давно, резкий обвал, связанный с Украиной, не был вполне ожидаемым. Поэтому возникло ощущение катастрофы.

Хотя, по большому счету, мы просто вернулись в состояние соперничества, как уже было прежде. Другое дело, что сегодня мы имеем дело с каким-то гибридным и неопределенным форматом вместо явной и хорошо устроенной конфронтации в виде Холодной войны.

К сожалению, в целом ожидать каких-то перемен не приходится. Для Германии слишком важна цель поддержания единства и гармонии управляемости Евросоюзом. И хотя в Западной Европе хватает желающих отменить санкции, есть Восточная Европа и США, мнение которых нельзя игнорировать. Поэтому в целом каких-либо шансов на избавление от этой экономической войны я не вижу.

Ирене Остерле

Насколько серьезными можно считать последствия санкций, зависит от того, куда мы направим свой взгляд и с чьей точки зрения будем говорить. Санкции – это наказание, воспитательная мера, инструмент двух партий, которые не сотрудничают, а противостоят друг другу. С точки зрения ЕС альтернативы не было; этот шаг был необходимым средством, позволяющим выразить неодобрение. Однако надо учесть, что санкции

могли быть намного более масштабными. В связи с одновременным падением цены на нефть они первоначально оказали огромное воздействие на российскую экономику. Покупательская способность россиян упала, как и прибыли германского бизнеса. Падение курса рубля стало шоком для населения: неужели повторится экономический кризис 2008 года? Несмотря на продление санкций, в настоящий момент российская экономика постепенно восстанавливается. Российские города и регионы направляют представителей, которые рекламируют их за рубежом в качестве привлекательных инвестиционных площадок. И в России, и в Германии привыкли к существующему статус-кво и продолжают действовать прагматично.

Тем не менее возникает вопрос, являются ли санкции в конкретном российском случае оправданным средством. В истории принуждение редко способствовало просветлению. Возможным вариантом было бы реальное вовлечение России в европейские концепции и планы, которое предотвратило бы эскалацию в отношениях между Россией и Украиной. Пример самого ЕС здесь показателен: одной из главных причин европейской интеграции после Второй мировой войны было желание привлечь Германию к строительству общего европейского дома. Общие цели и поиск ответов на общие вызовы могли бы принести мир в Европу. Поиск того, что объединяет, а не подчеркивает различия, мог бы стать для отношений России и ЕС основой сотрудничества и их общего политического будущего.

Связи за пределами Европейского континента также создают потенциал для сотрудничества. Уже давно в лексиконе

европейских и российский дипломатов существует идея единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока. С ее воплощением мог бы наконец быть создан объединяющий обе стороны инструмент. Обращение США при Трампе к внутривосточной проблематике открывает возможности для сотрудничества ЕС и России. В то время как США вышли из Парижского соглашения по климату, для России проблемы климатических изменений и обращения с ресурсами становятся все более значимыми. Этот вызов тоже мог бы стать общей повесткой для ЕС и России.

Сергей Маркедонов

Нынешние санкции и контрсанкции появились не в вакууме, а стали следствием кризиса вокруг Украины. А он, в свою очередь, возник в результате нерешенных проблем в области европейской безопасности, которые накапливались как снежный ком, начиная с Балканских войн, конфликтов на постсоветском пространстве и заканчивая отсутствием общих инструментов решения спорных вопросов.

Сами по себе санкции – вещь инструментальная, а не основа основ. Трудно даже сказать, на что они повлияли. Эти меры скорее всех ожесточили, а не изменили что-либо. Так что их отмена не решит накопившиеся сложности. Даже если завтра все стороны одновременно от них откажутся, без новых механизмов обеспечения безопасности Европы, боюсь, ничего не изменится. Все просто закончится очередным витком обострения отношений.

Сара Пагунг

В первую очередь необходимо помнить, что ряд санкций против России был введен только Евросоюзом, другие – совместно с США. Первые представляют собой более умеренный вариант. ЕС, например, не подвергал ограничениям ключевые отрасли, такие как торговля в нефтегазовой сфере.

Однозначно оценить результативность санкций довольно сложно. Они совпали с падением цен на нефть, что также достаточно негативно отразилось на курсе рубля и состоянии российской экономики. Трудно выделить, какой из факторов сыграл здесь более значимую роль.

Для Европы, в частности для ФРГ, экономический эффект от санкций был минимальным. Объем торговли Германии сократился на 1,5%, а ЕС в целом – и вовсе менее чем на 1%. Это крайне незначительные показатели.

Думаю, для России последствия все-таки были гораздо серьезнее. Главной проблемой, конечно, стало ограничение доступа к глобальным финансовым рынкам. Правда, можно сказать, что российский сельскохозяйственный сектор в результате контрсанкций даже выиграл. Так что и здесь получается смешанная картина.

Что касается альтернативы, то ее, по сути, не было. С точки зрения европейских государств, Россия пересекла красную линию. Ни Евросоюз, ни Германия в частности не рассматривали вариант вооруженного вмешательства в качестве ответа. Но в то же время

необходимо было обозначить свою позицию и дать России понять, что она нарушила не только международные, но и европейские базовые принципы и законы. Поэтому Евросоюз должен был оказать на нее возможное давление, и санкции представляли собой не только идеальное, а просто единственно доступное решение.

Я думаю, без выполнения Россией и сепаратистами условий по Крыму и Донбассу не может быть ни смягчения, ни отмены санкций. Европа подорвет доверие к себе, если пойдет на этот шаг без какого-либо прогресса по Минским соглашениям.

Иван Преображенский

Безусловно, любое политическое решение имеет альтернативы, однако вовсе не обязательно позитивные. В частности, с немецкой стороны были и другие варианты реакции на присоединение Россией Крыма и возникновение военного конфликта на территории Украины. Во-первых, сразу могли быть введены санкции не личные или секторальные, а серьезные страновые, распространяющиеся на всех граждан России, государство и все российские компании.

Второй, еще более обостряющий ситуацию вариант – начало военной помощи Украине, что теоретически было возможно. Третий жесткий сценарий – отказ от российских энергоносителей, запрет на их экспорт в страны ЕС, что, конечно, было бы самым сильным ответом, однако привело бы к энергетическому кризису в ЕС.

Конечно, германские власти могли просто закрыть глаза на внешнеполитическую активность России и ее вмешательство во внутренние дела Украины или даже поддержать российские действия. Но такой вариант даже в теории не имел шансов на реализацию – достаточно представлять картину общественных настроений в Германии, понимание современной немецкой элитой ее места в ЕС и, наконец, роль Германии и Евросоюза в событиях в Украине в 2013–2014 годах.

Что касается санкционного ответа России, то это решение принималось, судя по списку запрещенных продуктов, в значительной мере под давлением российских аграрных лоббистов. Ответы Москвы, безусловно, могли быть иными, хотя арсенал ее действий и был заметно уже, чем у Германии и Евросоюза.

Наиболее жестким ответом, как и в случае с ЕС, стало бы прекращение или резкое ограничение поставок нефти, нефтепродуктов и природного газа в ЕС. Это был бы сильный удар, но в наибольшей степени по российскому государственному бюджету.

Второй сценарий заключался в приостановке деятельности на территории России западных компаний, что, возможно, даже подразумевало бы конфискацию или временный арест их собственности. Такое решение поставило бы точку в российско-германских экономических отношениях и привело бы к их полному разрыву на долгие годы.

Разумеется, российское руководство могло бы принять решение никак не отвечать на санкционные действия ЕС, США и их союзников. Однако обосновать подобное бездействие было бы проблематично.

Таким образом, когда Россия и Германия выбирали формат санкций, они исходили как из внутрисполитической обстановки в обеих странах, так и из стремления минимизировать последствия вводимых ограничений, демонстрируя при этом партнерам крайнюю степень недовольства их политикой.

В связи с этим, вероятно, сегодня не существует альтернативы действующим санкционным мерам взаимного давления. Внешнеполитические требования заявлены, и ни одна из сторон не может их исполнить в обозримом будущем: ни Россия – отказаться от Крыма, ни Германия – признать его вхождение в состав России. Соответственно, санкции также не могут быть отменены. Однако коррекция – как в сторону ужесточения, так и в сторону ее заметного ослабления – вполне возможна.

Хауке Ритц

У нас имеется богатый исторический опыт в вопросах санкций. Мы знаем, чего можно достичь с их помощью и чего нельзя. Санкции почти никогда не приводят к изменению страной ее внешней политики.

Как правило, они ведут к ужесточению позиций и, кроме того, могут использоваться внутри страны, чтобы создать в обществе образ соседнего государства-врага. Конечно, все это было известно, когда принималось решение о введении санкций. Таким образом,

их настоящая цель заключалась в сокращении экономического сотрудничества России и Германии, непрерывно растущего с момента падения Берлинской стены, а вовсе не в стремлении изменить российскую политику или расширить возможности дипломатии.

Если бы развитие экономических связей, которое мы наблюдали с 1998 по 2013 год, продолжилось, то оно рано или поздно оказало бы влияние на внешнеполитическую позицию федеративной республики. Санкции, которые, по словам Джо Байдена, вице-президента при Обаме, были приняты только под американским нажимом, имели своей целью сократить объем экономических связей между Россией и Германией и закрепить привязку Германии к Западу. Нельзя забывать о том, что Германия не является на сто процентов западной страной. Она – страна Центральной Европы, которая в своей истории не раз ориентировалась на Восток. И эта тенденция продолжается вплоть до сегодняшнего дня.

Екатерина Тимошенко

На мой взгляд, санкции – политический инструмент, которого лучше избегать. Иначе, как мы уже видим, он слишком быстро становится привычной международной практикой и вносит значительную непредсказуемость в международные отношения.

К тому же ущерб от них, как правило, несут обе стороны. Последствия нынешнего санкционного противостояния ощутимы не только для России, но и для Европы. Говорить о конкретных цифрах, конечно, довольно сложно – данные сильно варьируются.

Например, согласно Австрийскому аналитическому центру, проводившему исследование по заказу Европейской комиссии, потери Евросоюза за период санкций уже составили 30 млрд евро. А Восточный комитет германской экономики, представляющий интересы немецкого бизнеса в России, утверждает, что речь идет о гораздо большей сумме – 58 млрд евро.

Также в последнее время все чаще можно встретить критику России в связи с тем, что она использует контрсанкции против Евросоюза в качестве протекционистской политики. Можно спорить, насколько удачны ее результаты, однако тенденция налицо.

Немецкие деловые круги на протяжении многих лет завоевывали позиции на российском рынке и, разумеется, не хотят терять их. В продолжении экономического сотрудничества, естественно, заинтересована и Россия. А поскольку на высшем уровне прогресса достичь не удастся, то сегодня роль посредника все больше переходит к регионам. После определенной паузы, которая длилась около года, Россию стали активно посещать делегации из различных земель, стремящиеся защитить интересы своего местного бизнеса. Так что, пожалуй, сегодня именно сотрудничество на уровне регионов и городов-партнеров может оказаться наиболее результативным.

Фальк Тишendorф

Согласно исследованию Института мировой экономики Кильского университета, текущий объем немецкого экспорта в среднем на 618 млн евро меньше, чем был бы при

отсутствии санкций. На Германию приходится 40% торгового оборота, потерянного ЕС из-за санкций.

И если мы говорим, что доверие является необходимым основанием для успешных двусторонних отношений, то, применяя санкции, мы именно его и разрушаем. А ведь в торговых и экономических отношениях оно формировалось десятилетиями. И тем самым мы особенно ставим под сомнение надежность немецкого бизнеса. Не секрет, что целью санкций является порождение неуверенности и негативных ожиданий. Пусть тот, кто сейчас скажет о неприемлемости подобной аргументации, ознакомится прежде с вкладом бизнеса в создание атмосферы доверия, – начиная с ежедневного сотрудничества на предприятиях, образовательных поездок, поддержки социальных проектов на местах и пр. Немецкие компании за время своей многолетней деятельности в России достигли в этом отношении гораздо большего, чем все дискуссии за круглыми столами.

И давайте, наконец, признаем, что не нам, и тем более не политикам, приходится нести «священное» бремя ограничений. Оно в полной мере ложится на предприятия и в конечном счете на их сотрудников. Примечательно, что в отношении персонала обычно приводятся примеры пострадавших от санкций компаний в Германии или ЕС. А как же работники, которых пришлось уволить в России и которые для нас также важны? Еще раз подчеркну: санкции не создают никакого доверия. Как раз наоборот – они его разрушают.

Экономические санкции представляют собой вынужденные внешнеполитические

меры по частичному или полному сокращению экономических отношений с государством, либо с физическими лицами, чтобы побудить их к поведению, совместимому с международным правом. На опыте последних четырех лет надлежит задать себе вопрос: нужны ли вообще эти меры? Достигаются ли реально заявленные при их введении цели?

Решение проблемы возможно только в форме определенного политического компромисса на уровне Украины, России и ЕС. И здесь необходимо, наверное, еще раз подумать о том, являются ли Минские договоренности действительно «безальтернативными», насколько они актуальны в условиях текущей ситуации и с учетом существующих реалий, не нуждаются ли они в обновлении в изменившихся обстоятельствах, или, может быть, следует прийти вообще к какому-то новому варианту. На мой взгляд, нужны новые идеи. А это, в свою очередь, предполагает, что нужно работать над ними и не обрушивать сразу град критики на политиков, предлагающих какой-то новый выход из сложившегося положения. Давайте услышим их мнение, даже если оно отличается от общепринятого. Только так можно преодолеть тупик и сделать первые шаги. По сути, и здесь речь идет о диалоге.

Дмитрий Травин

Я бы не сказал, что нынешняя ситуация – беспрецедентное явление в прямом смысле слова. Торговые связи СССР и Германии без всяких санкций были намного хуже современных российско-немецких

отношений просто потому, что Советский Союз не участвовал в мировом капиталистическом хозяйстве. Например, даже для того, чтобы осуществить крупный проект по строительству трубопровода из Западной Сибири в западноевропейские страны, нужен был специальный государственный контракт «газ – трубы»: СССР продавал газ, а в обмен, по бартеру, получал от ФРГ трубы.

В этом отношении сегодня ситуация гораздо лучше. Несмотря на двусторонние санкции, рынок продолжает функционировать. В частности, Россия покупает немецкие автомобили, а Германия приобретает российские газ и зерно.

Очень трудно сказать, была ли четыре года назад некая альтернатива. В принципе, Запад мог не принимать санкции в ответ на «Крымскую историю». Но какой-то ответ должен был последовать, и санкции на тот момент казались наилучшим вариантом. Не знаю, пошли бы западные правительства на этот шаг, если бы знали, что он не только не ослабит путинский режим, а, наоборот, усилит его. Но какое-то решение должно было быть принято.

С нашей стороны также напрашивались какие-то ответные действия, поскольку Россия не была готова пойти на уступки. Правда, западные страны от подобной конфронтации в итоге не сильно пострадали. США так и вовсе не понесли никакого ущерба, разве что действия Москвы несколько осложнили им глобальное доминирование. Европейские государства потеряли партнера, который, правда, в силу своей экономической слабости, и не был для них по-настоящему значимым. Что же касается экспорта нефти и газа,

столь существенного для российской экономики, то он сохранился, и здесь ничего не изменилось.

Россия, напротив, ухудшила себе жизнь, поскольку санкции лишили ее доступа к дешевым кредитам и ряду западных технологий. А политика импортозамещения привела к тому, что население страны осталось без многих качественных продуктов. В результате за прошедшие четыре года страна даже не смогла добиться нормального экономического роста.

Татьяна Хрулёва

Несмотря на то что санкции нередко оценивают как противоречивый инструмент политического давления, и Россия, и европейские государства не раз прибегали к нему в отношении третьих стран. Просто после окончания Холодной войны казалось совершенно невероятным, что Евросоюз и Россия могут пойти на этот шаг по отношению друг к другу.

Все кардинально изменил Украинский кризис. На Западе в любом случае не могли оставить без ответа присоединение Россией Крыма, а впоследствии – конфликт на Донбассе. Но принятые персональные и секторальные санкции, по сути, являются относительно умеренным вариантом реакции, не наносящим по-настоящему существенного ущерба ни одной из сторон (хотя для России он, конечно, определенно выше). Альтернативные действия – от более масштабных и жестких санкций до военного вмешательства – представляли бы собой еще более радикальный сценарий. Москва в этой ситуации также не могла

не пойти на некий ответный шаг. И очевидно, что пока не изменятся условия, на фоне которых были введены взаимные ограничения, их отмена представляется совершенно нереалистичной.

Так что, судя по всему, в условиях санкционного противостояния мы будем жить еще довольно долго, поскольку пока ничто не свидетельствует о скорой нормализации отношений. В случае реализации Минских соглашений Евросоюз, по идее, должен пойти на смягчение или даже снятие ограничений, связанных с конфликтом на юго-востоке Украины. Пойдет ли в этом случае Москва на пересмотр продуктового эмбарго, которое принималось как ответная мера на оба пакета европейских санкций? Вопрос открытый. В любом случае сегодня это исключительно гипотетический вопрос, поскольку никакого движения вперед на данном направлении нет.

А вот отмена «Крымских» санкций вряд ли возможна в обозримом будущем. Не исключено, что они могут видоизменяться в зависимости от ситуации, но для обеих сторон статус Крыма является своего рода символом. Поэтому Россия (скорее всего даже при смене политического лидера) не пойдет на возврат полуострова в состав Украины, а для Запада признание его частью Российской Федерации будет означать нарушение основополагающих принципов.

Юлиус Фрайтаг-Лорингхофен

Санкции – это форма применения политической силы. Отказываясь признать свершившимся фактом нарушение территориальной целостности Украины,

а также во избежание военных столкновений после аннексии Крыма они были введены против отдельных ответственных лиц. Релевантные с экономической точки зрения санкции были заявлены, – а позднее введены – только как ответ на дальнейшее российское вмешательство на востоке Украины. Российские контрсанкции представляли собой реакцию на два пакета санкций, связанных с территориальной целостностью Украины. Разрешение ситуации в этой стране могло бы привести к отмене этой логической цепочки (в соответствии со Вторыми минскими соглашениями).

Одним из серьезнейших разногласий двусторонних российско-германских отношений стало восприятие событий в Украине: «революции достоинства», присоединения Крыма, вооруженного противостояния в отдельных районах Донецкой и Луганской областей, уничтожения пассажирского рейса МН-17. Что можно сделать для разрешения этих вопросов и в какой последовательности?

Николай Власов

Наиболее банально, наверное, прозвучит следующий ответ: «реализация Минских соглашений». И действительно, это некий наименьший общий знаменатель, о котором стороны смогли договориться.

Однако даже окончание конфликта на востоке Украины еще не означает преодоления всех существующих разногласий. Оно поможет стабилизировать ситуацию и избежать дальнейшего ухудшения отношений, но не более того. Позиции сторон по целому ряду вопросов – начиная с присоединения Крыма и заканчивая ответственностью за крушение МН-17 – расходятся настолько серьезно, что о каком-то их сближении в среднесрочной перспективе не может быть и речи. Для того чтобы заставить одну из сторон пойти на серьезные уступки, необходимы радикальные внутривнутриполитические изменения либо возникновение критической угрозы глобального характера. К счастью, второй вариант крайне маловероятен. Не

слишком реалистичным, по крайней мере в ближайшие годы, выглядит и первый.

В связи с этим вопрос следует ставить несколько иначе: что можно сделать для укрепления российско-германских отношений в условиях сохраняющихся разногласий по проблемам, связанным с Украинским кризисом? О том, что такой вариант вполне возможен, свидетельствуют имеющиеся в истории прецеденты. В частности, существовавшие в годы Холодной войны разногласия по поводу легитимности вхождения Прибалтийских республик в состав СССР не исключали возможностей «разрядки» в различных областях.

Я думаю, что в первую очередь необходимы меры по восстановлению доверия, включающие в себя сотрудничество при решении различных международных проблем, предотвращение «гонки вооружений» в любой форме, отказ от агрессивной, воинственной риторики со стороны политического руководства и подконтрольных государству средств массовой информации.

Полное же преодоление разногласий, связанных с событиями в Украине, возможно, как показывает исторический опыт, только в долгосрочной перспективе.

Эдвин Варкентин

Отношения между Россией и Германией в настоящее время определяются различной оценкой и действиями по отношению к украинским событиям начиная с демонстраций 2013 года на Майдане.

Придумать гипотетические шаги по умиротворению, а также их последовательность в условиях свершившихся фактов, таких как аннексия Крыма, тайная и явная российская интервенция на Донбассе, очень сложно. Что касается сбитого рейса МН-17, то здесь любая «последовательность уступок» выглядела бы кощунством на фоне гибели людей. Этот террористический акт должен получить юридическую оценку и быть расследован только в судебном порядке.

Не считая имеющегося комплекса мер по воплощению Минских соглашений, который уже исчерпал себя в нынешнем виде, все стороны должны стремиться к тому, чтобы Украина восстановила свой суверенитет, конституционный порядок и монополию на силовые действия на всей своей территории. Россия, Германия, другие соседи Украины, и в первую очередь ЕС, должны принять энергичное участие в этой стабилизации. Дальнейшая дестабилизация Украины не принесет выгоды никому, а только еще больше осложнит ситуацию. Фундаментальной «перезагрузкой» могла бы стать актуализация Будапештского меморандума или Парижской хартии на основе признанных международным сообществом границ Украины, а также Грузии и Молдавии.

Денис Волков

За последнее время интерес к Украине в России значительно снизился. Если в 2014 году за событиями в соседней стране «внимательно следили» до 65% россиян, то сегодня таких в два раза меньше – 31%. Украинская тема постепенно вытесняется на периферию общественного внимания. Важно осознавать, что в России по-

другому, чем на Западе и в Украине, воспринимают суть этого конфликта.

У нас доминирует точка зрения, что война идет между различными силами внутри самой Украины, но не между Россией и Украиной. А значит, и российских войск на Донбассе нет (хотя могут быть российские добровольцы). То есть российские и украинские опросы демонстрируют два совершенно разных понимания происходящего.

Это обстоятельство необходимо учитывать, чтобы адекватно оценивать перспективы разрешения спорных вопросов. В противном случае невозможно разобраться, почему политика Путина имеет большую поддержку у российского населения. Причина в том, что она воспринимается не как агрессивная, а как защитная по отношению к русскоязычному населению Украины. Можно спорить, так это или нет, но нельзя игнорировать фактор общественного мнения.

Лукас Вернер

Согласованный всеми заинтересованными сторонами план решения Украинского конфликта – это Минские договоренности, воплощение в жизнь которых должно стать для них высшим приоритетом. Важно иметь мужество совершить первый шаг и не требовать свысока от другого, чтобы он начал первым. Германия должна прилагать усилия к тому, чтобы обеспечить соблюдение обязательств как Россией, так и Украиной.

Маринэ Восканян

Основная проблема заключается в совершенно разном взгляде на причины произошедшего. В Европе бесконечно обсуждают «Крымский вопрос» и вооруженный конфликт на Донбассе. А вот причинам Украинского кризиса уделяется куда меньше внимания. Сегодня, когда Россию постоянно обвиняют в мифическом вмешательстве во все, что происходит в Европе, нужно вспомнить о том, каковы были масштабы влияния ЕС и США на украинскую политику и весь киевский переворот. Оно было абсолютно открытым и имело целью поддержать противников легитимной на тот момент власти. И европейские страны, осуществлявшие этот курс, должны признать и свою в том числе ответственность за все, что произошло, а также тот факт, что сначала их действия спровоцировали кризис в Киеве, перешедший в гражданскую войну, а только потом какие-то шаги начала предпринимать Россия. Пока этого не произойдет, из тупика «Украинского вопроса» не выйти.

При этом США, в отличие от ЕС, с самого начала хорошо понимали, что им нужно получить в Украине – жесткий конфликт с Россией и создание на границе с ней антироссийски настроенного государства. Часть американских элит и вовсе заинтересована в открытой войне России и Украины. Все это совершенно противоречит интересам ЕС. Однако Брюссель активно участвовал в постановке ультиматума Киеву: вы или с Россией, или с нами.

На что рассчитывали европейцы? На бескровную «бархатную революцию», после которой получают территорию, рынки и рабочую силу? Как можно было проявить

стратегическую слепоту такого фантастического масштаба: одновременно не оценить современную специфику, а также культурно-исторические и национальные особенности Украины, не увидеть истинных намерений своего главного союзника – США, совершенно не просчитать реакцию России на все это?

Во многом причина опять-таки в неверных оценках общественной, политической и экономической ситуации и в Украине, и в России. Единственный путь к принятию разумных решений – адекватное понимание исходной ситуации. Европе имело бы смысл смотреть на своих соседей не через призму «политики ценностей», когда видится только то, что соответствует ожиданиям, а реально. Только на такой основе можно искать пути диалога по Украинскому вопросу.

Анн-Софи Гаст

С моей точки зрения, проблемы на данный момент связаны не только с конфликтом в Украине. Российско-германские отношения в последние два года продолжали ухудшаться из-за плохой коммуникации. Российские действия в Сирии, тесные связи с Асадом и слухи о возможном вмешательстве в американские выборы также не способствуют росту доверия с немецкой стороны.

В долгосрочной перспективе его необходимо восстановить с обеих сторон, и для этого необходим постоянный диалог. Несмотря на санкции, он не должен прерываться. Поэтому «Петербургский диалог» – вполне осмысленный институт. Германия по-прежнему требует соблюдения Минских договоренностей, в том числе

перемирия, отвода тяжелых вооружений и полного вывода всех наемников. Несмотря на то что в тексте соглашения Россия ни разу не упомянута в качестве участника конфликта, нити в руках держит именно Москва. Большинство германских политиков сегодня уже почти не говорят об аннексии Крыма, однако конфликт в Украине остается «красной линией». Если российское правительство не изменит свою позицию и не использует свое влияние на сепаратистов, чтобы побудить их к уступкам и компромиссу с украинским правительством, я не нахожу возможностей для улучшения отношений на официальном уровне. Пока на территории Украины идет война, в которой Россия принимает существенное участие, нормализация отношений невозможна.

Я вижу такую вероятную последовательность шагов, направленных на разрешение конфликта:

1. Полноценное перемирие и прекращение поставок оружия сепаратистам.
2. Отвод украинских войск и русских наемников.
3. Разоружение сепаратистов под международным контролем.
4. Ввод международных миротворческих сил для контроля над перемирием и отводом войск.
5. Расширение автономии областей Восточной Украины.
6. Проведение региональных выборов под международным контролем.
7. Отмена санкций ЕС против России, а также российских контрсанкций.

8. Возобновление сотрудничества между Россией и ЕС, в том числе переговоры о новом соглашении о сотрудничестве.

9. Возобновление сотрудничества между Россией и НАТО, а также создание совместной концепции безопасности в качестве ответа на такие угрозы, как терроризм.

10. Возможное развитие сотрудничества между ЕС и ЕврАзЭС.

В целом необходимо, чтобы Россия наконец приняла ответственность за свое участие в противостоянии на востоке Украины и чтобы вещи были названы своими именами. В этом качестве Россия могла бы выдвигать прямые требования в сфере урегулирования конфликта и формулировать свои требования к украинскому правительству. Разумеется, Киев также должен вносить вклад и воплощать в жизнь Минские соглашения. Но, пока одна из сторон отрицает собственное участие и ответственность, дальнейшее продвижение невозможно.

Игорь Грецкий

Отношение германских и российских элит к событиям в Украине действительно стали серьезным испытанием для наших отношений. Все перечисленные сюжеты кажутся весьма сложными. Но, уверен, многие проблемы можно решить, если руководство Российской Федерации откажется от примитивной неореалистической концепции внешней политики, которую оно унаследовало с советских времен. Согласно этой

концепции, в мире существует лишь шесть-семь государств, обладающих полным суверенитетом, независимостью и способных проецировать свои интересы за пределы собственных границ, оказывая влияние на соседей. Российские политики часто называют их «державами», имеющими сферы влияния или зоны ответственности. К ним причисляют США, Китай, Германию (ЕС), Россию, Индию, Иран и Турцию. Остальные страны, согласно такой философии, являются лишь объектами международных отношений, или пешками на большой шахматной доске.

Москва должна перестать рассматривать постсоветские государства как объекты международной политики с ограниченным суверенитетом. Такое восприятие не приносит позитивных результатов и выгод России, а издержки выстраивания отношений с соседями на его основе только растут.

Штефан Майстер

«Украинская проблема» – на мой взгляд, неудачная формулировка, которая подразумевает, что если бы не было Украины, то в отношениях ЕС и России не было бы проблем. Это не так. Германия и ЕС имеют иное представление о европейской безопасности и будущем международных отношений, нежели нынешнее российское руководство. События в Украине – лишь отражение этих фундаментальных разногласий.

Какие шаги могли бы быть предприняты?

1. Настоящее перемирие с обеих сторон.
2. «Голубые каски» ООН на территории

Украины, в том числе на российско-украинской границе, наблюдающие за тем, чтобы на территорию Украины больше не попадали оружие и солдаты.

3. После этого можно воплотить элементы Минских соглашений: стабилизация ситуации на упомянутых территориях и свободные, честные выборы под контролем ОБСЕ и ООН.

Фёдор Лукьянов

Как ни банально, но повторяемая всеми сторонами мантра, что «альтернативы Минским соглашениям нет», к сожалению, отражает реальность. Никакой другой модели не предлагается. Внутри этой рамочной конструкции есть пространство для творчества, для которого, правда, необходимы желание и готовность всех сторон, прежде всего России и Украины. Чего незаметно. Весь контекст может существенно измениться от того, насколько гибкую позицию будет занимать в первую очередь Киев.

Если бы не последний раунд обвала отношений – в связи с «делом Скрипаля», – возможно, была бы предпринята попытка найти некую изворотливую альтернативу в рамках договоренностей. Например, обсуждаемая – хотя и критикуемая всеми – идея миротворцев ООН на Донбассе, на мой взгляд, содержит зародыш будущего творческого подхода. Но общая атмосфера вокруг этой темы и отношений вообще чудовищная.

Роль Германии могла бы быть велика. Все-таки Минские соглашения – это, прежде всего, творение Ангелы Меркель. К сожалению,

внутриполитическая ситуация в стране сейчас не позволяет уделять много внимания украинской теме – просто не до того. Конечно, большое значение имеет и позиция Соединенных Штатов, но с ними у России сейчас все просто безнадежно.

Сара Пагунг

Если смотреть на этот вопрос с точки зрения широкой перспективы, то здесь есть два подхода. Первый – решение кризиса должно стать предпосылкой для большого соглашения по реорганизации отношений между Россией, Европой и США. Второй вариант предусматривает большой консенсус по общим правилам в Европе как предварительное условие для урегулирования Украинского конфликта. Похоже, Россия выступает за первый вариант, в то время как Европа стремится ко второму.

Что касается непосредственно разрешения противостояния в Украине, то в настоящий момент положение сильно осложняет нехватка доверия. Несмотря на то что выработана дорожная карта в виде Вторых минских соглашений, пока по ним не достигнуто никакого прогресса. Украина не доверяет России, Россия – Украине. Обе стороны торгуются, отказываясь сделать первый шаг. Это напоминает ситуацию с «Уловкой-22».

Я думаю, отправной точкой для продвижения вперед может стать формирование международной миссии ООН, что поможет в итоге выполнить два основных параграфа «Минска-2» – восстановление контроля со стороны правительства Украины над российско-украинской границей и реформа по децентрализации страны. На

первом этапе на миссию необходимо возложить задачу пограничного контроля. После того как Киев примет все необходимые законы о федерализации, эти функции должны быть переданы украинской власти. Контроль над границей, в свою очередь, отрезет сепаратистов от поддержки России, которая, разумеется, также должна будет оказать на них давление.

Сергей Маркедонов

Я не согласен с термином «революция достоинства», так как он предполагает, что у сторонников Майдана оно было, а у тех, кто переворот не принял, – нет. Во многом именно здесь кроется ключевой момент разногласий Германии и России, поскольку внутриукраинская природа кризиса Западом де-факто не обсуждается.

Нельзя забывать, что Майдан в Украине восприняли по-разному. Людей, поддержавших свержение Виктора Януковича и новый политический курс, было много. Тем не менее революция не отражала интересы всей страны.

В том числе это подтверждают недавно рассекреченные материалы заседания Совета национальной безопасности Украины от 22 февраля 2014 года. Его участники, не думая, что содержание их встречи станет общедоступным, отмечали отсутствие проукраинских настроений в Крыму. В частности, тогдашний и. о. министра внутренних дел Арсен Аваков заявлял, что «большинство населения Крыма занимает пророссийскую, антиукраинскую позицию». Также он обратил внимание, что хотя «внутренние

войска и ППС Симферополя пока и несут службу, но противодействовать русским не будут».

А его советник Антон Геращенко впоследствии отмечал, что среди сотрудников правоохранительных органов Донецка и Луганска «было практически тотальное предательство», – естественно, с точки зрения Киева. Но речь же идет не о каких-то шпионах-диверсантах, а о гражданах Украины, которые просто не приняли Майдан. И таких несогласных были миллионы.

Да, Россия оказала им поддержку – это было бы глупо отрицать. Но любое вмешательство только тогда эффективно, когда падает на подготовленную почву. Именно государственный переворот, который, в принципе, был антиконституционным и нарушил сложившийся годами статус-кво, создал подобную ситуацию.

Так что пока не будет признано, что Майдан был голосом только части страны – пусть даже и весьма значительной, даже большинства (но это еще не все население) – серьезно говорить о разрешении Украинского кризиса не придется. Без осознания солидарной ответственности никаких результатов добиться не удастся.

В этой связи нельзя забывать еще об одном измерении конфликта. Оно касается общеевропейской безопасности, на мой взгляд, является ключевым. После окончания Холодной войны идеи большой Европы так и остались благими пожеланиями. Реального включения России в механизмы европейской безопасности не произошло, притом что блок НАТО расширился на восток. Это привело к тому, что в России, стремившейся к

определенным гарантиям безопасности, появились оборонные настроения и сформировался определенный негативизм по отношению к Западу. И я боюсь, что если Украинский кризис не станет толчком к переосмыслению современной модели европейской безопасности, то ждать серьезных подвижек в отношениях между Россией, с одной стороны, и Германией и ЕС, с другой, вряд ли возможно.

Хауке Ритц

Чтобы разрешить конфликт, прежде всего нужно научиться воспринимать реальность такой, какая она есть. А реальность такова, что ЕС после Брекзита и Еврокризиса, в условиях растущей потери доверия к общеевропейским институтам не в состоянии предложить Украине долгосрочную перспективу развития. Реальность такова, что катастрофу МН-17 пока расследовала только одна страна блока НАТО, Нидерланды, и что по сегодняшний день нет независимого, открытого расследования этих событий. То же самое касается выстрелов, прозвучавших на Майдане. Третий элемент реальности, который мы должны научиться принимать, заключается в том, что большая часть Украины, за исключением региона Львова (Лемберга), в историческом и географическом отношении относится к русскому православному культурному пространству. Если мы признаем эти три вещи, возможно, мы сумеем разрешить конфликт.

Иван Преображенский

Очевидно, что существуют два измерения этой проблемы: артикулируемое и

реальное. С первым все заметно проще. Для унификации подходов к ситуации в Украине Россия и Германия должны обеспечить выполнение Минских соглашений. После нормализации ситуации на Донбассе можно будет обсуждать и другие вопросы, связанные с ситуацией в Украине. И делать это в формате диалога, а не взаимных обвинений.

Однако Минские соглашения – весьма противоречивый документ, не являющийся к тому же юридически обязывающим международным соглашением. Так что проблема не только в их реализации, но и в разном восприятии в России и в Германии.

Таким образом, для начала нужно определиться, является ли Россия стороной конфликта на Донбассе или она такой же посредник, как Германия и Франция. И решить эту проблему без активного участия России не представляется возможным. Гарантией могла бы быть, например, передача государственной границы Украины на Донбассе под контроль украинских пограничников. Однако к этому Россия пока не готова. Хотя не исключено, что в течение 2018 года ответ на вопрос будет найден в рамках формирования мандата для миротворческой миссии ООН, с инициативой направления которой в разные периоды выступали как российская, так и украинская сторона.

Что касается проблемы статуса Крыма, к ней можно будет перейти только в последнюю очередь, когда все другие противоречия будут сняты и хотя бы частично удастся восстановить взаимное доверие. Озвучены и давно обсуждаются основные варианты решения «Крымского вопроса». Их можно было бы

использовать, если бы Россия в принципе согласилась обсуждать эту тему и признать (хотя бы частично) нарушение норм международного права, которые, как говорит Запад, были допущены при присоединении полуострова.

Это мог бы быть повторный референдум, проведенный под международным контролем, чьи результаты – какими бы они ни оказались – заранее были бы признаны Россией, Украиной и международными гарантами, например, в рамках резолюции Совета Безопасности ООН. Второй вариант – признание всеми сторонами промежуточного либо переходного статуса Крыма. Возможно установление частичного суверенитета как России, так и Украины в этом регионе.

Другие сценарии выглядят еще более призрачно – как, например, просто возвращение Крыма в состав Украины или провозглашение независимости полуострова с правом его позднейшего самоопределения.

Конечно, Германия может признать российский статус Крыма де-факто, без юридически закрепляющих решений и частичного пересмотра санкций. Этот вариант представляется наиболее отвечающим требованиям российских властей сегодня. Однако, как и все компромиссные решения, он также не вполне устроит обе стороны.

Таким образом, вероятность в ближайшие годы разрешения Украинского кризиса и проблемы статуса Крыма минимальна. Движение в этом направлении возможно и необходимо, но ожидать быстрых успехов ни России, ни Германии не стоит.

Екатерина Тимошенко

Все эти вопросы невозможно решить разом. Для начала необходим прогресс по Минским соглашениям. В первую очередь нужно добиться прекращения боевых действий на востоке Украины. Без этого, на мой взгляд, продвижения вперед по остальным пунктам не будет.

Среди ряда немецких политиков сегодня складывается определенное понимание, что обсуждение будущего Крыма пока нужно «вынести за скобки». Лидер Свободной демократической партии Кристиан Линднер в ходе избирательной кампании в Бундестаг даже не побоялся заявить об этом открыто, за что, правда, подвергся критике и был вынужден внести поправки в свое высказывание.

Можно сказать, тенденция на время «заморозить» решение «Крымского вопроса» есть, но это не значит, что об этой проблеме готовы забыть или закрыть на нее глаза. В любом случае в немецком обществе есть консенсус, что нельзя отменять санкции и идти на сближение с Россией, не добившись от нее прогресса в осуществлении имеющихся договоренностей. Никаких «односторонних подарков» Москве не будет.

Дмитрий Травин

Какой-то прогресс по любому из этих пунктов вероятен, только если одна из сторон пойдет на уступки. Для России речь идет о выполнении Минских соглашений и возвращении Крыма Украине. Похоже, что промежуточный вариант – реализация Минских договоренностей при сохранении Крыма в составе России –

уже не сработает. Хотя мне кажется, что Кремль хотел разыграть именно такой сценарий.

Если спорный полуостров вернется в состав Украины, то, конечно, отношения будут налаживаться. Но, во-первых, такой шаг будет означать потерю лица для российского руководства. Люди, решившиеся на столь радикальные меры, вряд ли сами признают свою неправоту. Даже какая-то «морковка» со стороны Запада не сможет здесь сработать. Во-вторых, нельзя забывать, что Крым – это территория с людьми, которую нельзя так просто передавать туда-сюда в течение нескольких лет.

Прошедшие четыре года показали, что западные государства, включая Германию, похоже, также не пойдут на какие-либо частные компромиссы, поскольку их лидеры приняли ряд серьезных решений, отказ от которых будет стоить им репутации.

То, что Крым не признают де-юре, совершенно очевидно. Теоретически Россия может пойти на некий очень серьезный шаг в сторону Запада, который позволил бы ему принять положение с Крымом де-факто: то есть снять санкции и сказать, что вопрос откладывается на долгое время. Но такого рода уступки возможны только в случае очень серьезного кризиса современной цивилизации, при котором западные страны будут нуждаться в поддержке России. Например, когда началась Вторая мировая война, англичанам и американцам требовалась помощь Сталина, поэтому они закрыли глаза на то, что он был далеко не идеальным лидером.

Сегодня подобного кризиса не предвидится, а значит вероятность такого сценария крайне невелика.

Юлиус Фрайтаг-Лорингхофен

В Минске уже договорились о конкретных шагах. Центральную роль при этом играет прекращение военных действий. Однако согласованные действия воплощаются в реальность лишь частично, поскольку отсутствует воля для того, чтобы променять плохой статус-кво на компромисс, который трудно объяснить своим гражданам. Базовая логика Минских соглашений верна: сначала умиротворение Восточной Украины, помощь в реинтеграции этих районов в состав украинского государства на федеральной основе, а потом, в соответствии с прогрессом на этих направлениях, снятие санкций. Однако, возможно, следует пересмотреть порядок конкретных действий, чтобы быстрее получить результат. Вне зависимости от этого важно развивать диалог и сотрудничество на всех возможных уровнях для создания доверия, необходимого для разрешения этого конфликта.

Татьяна Хрулёва

Россия и Запад кардинально расходятся в оценке причин Украинского кризиса и событий, связанных с ним, поэтому данный вопрос в любом случае надолго останется точкой напряженности в их отношениях.

В настоящее время основная задача – реализация Минских соглашений и достижение прогресса по урегулированию конфликта на востоке Украины. На сегодняшний день ни одна из сторон не продвинулась существенно в этом направлении, и, похоже, сдвинуть

ситуацию с мертвой точки поможет только введение миротворцев ООН на Донбасс. Однако пока сам формат миссии и границы территории, на которой должен быть расположен миротворческий контингент, вызывает серьезные разногласия. Судя по всему, поиск некоего общего знаменателя потребует определенного времени.

Что касается проблемы Крыма, она будет снята еще очень нескоро. Пока невозможно представить, что в ближайшие годы будет найдена формула, с которой бы согласились все стороны. Международное сообщество (а не только европейские государства и США) никогда не признает вхождение Крыма в состав Российской Федерации по итогам референдума 16 марта 2014 года. Нереалистичным выглядит и его возвращение Украине. Не исключено, что в итоге на повестке окажется вариант повторного плебисцита. Но в любом случае это вопрос весьма отдаленного будущего.

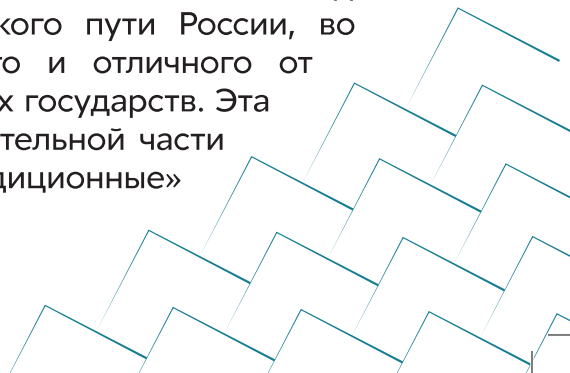

До середины 2000-х Россия и Германия обозначали намерение строить свои двусторонние отношения на основе общеевропейских ценностей. Сегодня риторика по этому вопросу у Берлина и Москвы существенно расходится. В чем главное противоречие двух подходов? Есть ли будущее у модели российско-германских отношений, построенных на общеевропейских ценностях?

Николай Власов

Действительно, в российском политическом дискурсе 1990-х – начала 2000-х годов «общечеловеческие» (как вариант – «общеевропейские») ценности играли важную роль. Сегодня в России все чаще говорят о «традиционных» ценностях в качестве противовеса «западным». И если в Германии этот процесс рассматривается как отход от «европейских ценностей», то российская сторона утверждает, что является хранительницей системы ценностей европейского модерна, в то время как «постмодернистский Запад» отказался от собственных корней.

По сути, обращение к «традиционным» ценностям со стороны российского руководства объясняется в первую очередь необходимостью обосновать идею наличия особого исторического пути России, во многих отношениях лучшего и отличного от развития западноевропейских государств. Эта идея находит отклик у значительной части населения страны. «Традиционные»

ценности достаточно глубоко укоренены в российском обществе, и даже при наличии соответствующей политической воли изменение ценностной системы оказалось бы длительным и сложным процессом.

При всех очевидных расхождениях нельзя закрывать глаза на то, что между ценностными системами российского и западноевропейского общества по-прежнему сохраняется много общего. Это неудивительно, учитывая, что Россия является частью европейской цивилизации. Более того, за последнюю четверть века определенные ценности, которые принято называть «западными», тоже достаточно глубоко укоренились в российском обществе, к примеру уважение к институту частной собственности.

Поэтому будущее у модели российско-германских отношений, построенной на общих ценностях, безусловно, есть. Не следует лишь питать иллюзий по поводу того, что эти ценности можно сделать полностью идентичными простым политическим решением.

Эдвин Варкентин

Говоря с нейтральной точки зрения, стремление поддерживать двусторонние отношения – стандартная работа дипломатии. Решение о создании общей, основанной на ценностях системы координат в российско-германских отношениях было когда-то продиктовано духом времени. Очевидно, и сегодняшние разочарования связаны с тем, что этому решению не предшествовал процесс обсуждения и оно не содержало в себе никаких международно-правовых обязательств. В обществах тоже возникли преувеличенные ожидания и

ложные оценки. Изначально данная инициатива имела своей целью совместную модернизацию России, а не образование новой геополитической оси. Германское правительство участвовало в партнерстве в сфере модернизации не для того, чтобы преобразованиями сделать Россию более податливой или лишить ее права голоса. Существовало искреннее намерение стабилизировать рыночную экономику в России, сделать ее конкурентоспособной и ориентированной на общее благо. В результате Германия и ЕС рассчитывали получить в лице России стабильного, не подверженного кризисам соседа. Однако такая модернизация может состояться только в том случае, если для нее имеются определенные демократические предпосылки (мы можем назвать их правилами игры), которые и следует понимать под «ценностями».

С моей точки зрения, суть нынешних разногласий заключается в различном наборе базовых определений политической культуры и легитимности действий государства. Например, наши страны очень сильно отличаются друг от друга в понимании того, каким образом происходит международное признание. По-разному трактуется и отношение между государством и индивидом. Западная политическая культура – и в особенности немецкая – основана на процессах поиска консенсуса в политических вопросах и легитимации политического действия.

Ввиду различных государственных и политических традиций следует задаться вопросом о том, возможны ли в принципе в будущем совместные действия, основанные на ценностях. Российское общество должно решить, как будет происходить модернизация страны.

Если по этому поводу будет достигнут консенсус, возможно, совпадающий с западными представлениями, Европейский союз и в первую очередь Германия должны относиться к этому процессу как подобает партнерам. Основу будущего сотрудничества, основанного на ценностях, определяет политика соседства ЕС. На мой взгляд, после событий последних 10 лет особые двусторонние партнерские отношения с Россией могут развиваться только в общеевропейском контексте.

Денис Волков

Мне кажется, проблема не столько в ценностях, сколько в разном понимании вопросов безопасности. Россия не осталась в стороне от происходящего в Украине, поскольку российское руководство воспринимало ее тесные отношения с ЕС и НАТО как угрозу. Такого же мнения придерживалось большинство российского населения, что и нашло отражение в опросах. На Западе этот факт или не понимали, или просто махнули на него рукой. Хотя уже на примере Грузии Москва показала, что готова идти на открытый военный конфликт, когда видит угрозу российским интересам и безопасности (так, как это воспринимают в Кремле).

Важно понимать, на что именно реагировали российские власти. Сегодня многие трактуют действия России в Украине как стремление властей упрочить свой рейтинг, играя на патриотических настроениях.

Но мне кажется, возросшая популярность президента России оказалась побочным продуктом решения вопросов безопасности. Потенциальное членство Украины в НАТО и в этом случае угроза положению российского флота в Севастополе все же были основными

предметами обеспокоенности Москвы. А разные взгляды на ценности, я думаю, играют не столь большую роль в наших разногласиях.

Довольно трудно сделать однозначный вывод, насколько россиянам в принципе близки общеевропейские ценности. Конечно, если, например, говорить о толерантности по отношению к сексуальным меньшинствам, то в России уровень гомофобии значительно выше по сравнению с западными странами. Но в бытовом поведении, семейной жизни и сексуальных практиках различий между нами почти нет. Просто изменения в России произошли настолько быстро, что мы просто порой не готовы их признать.

Лукас Вернер

С тех пор, как Пётр Великий прорубил в XVIII веке окно в Европу, Россия находится в постоянных метаниях между Западом и Востоком. Борьба за собственную идентичность и связанный с ней вопрос о том, к какому ценностному сообществу принадлежит страна, не является новым феноменом. Однако в последние годы он пережил период ускоренных изменений. После крушения Советского Союза имела место отчетливо прозападная ориентация. Тем не менее слишком быстрые и радикальные капиталистические реформы, к сожалению, существенно обогатили лишь немногих жителей России. Большая часть населения испытала экстремальную нестабильность, неуверенность в завтрашнем дне и вынуждена была бороться за выживание.

К тому же Европа и Запад в целом никогда не делали России честного и

всеобъемлющего предложения об интеграции, которое позволило бы стране вступить в западные сообщества в качестве равноправного партнера. И сегодня в России снова происходит обращение к консервативным и православным ценностям. Во внешней политике «вектор» (как это любит говорить российское руководство) снова направлен в большей степени на Восток.

Я считаю, что в этих условиях архитектура общих ценностей может быть построена только на фундаменте политических, институциональных и экономических связей. Общие ценности могут возникнуть только в результате диалога, соревнования идей и свободы, предоставленной индивидууму для свободного развития и самовыражения. Однако, как сказал Бертольд Брехт, «сперва – жратва, мораль – потом». Если во многих регионах России не удовлетворяются базовые экзистенциальные потребности людей, такие как достаточная медицинская помощь, им не до размышлений об абстрактных концепциях вроде демократии или правового государства. Европейский союз – проект мирного сосуществования и общих ценностей – имел свое начало в экономической интеграции. Российско-германские отношения тоже могли бы развиваться сначала в экономической и политической сфере, а в итоге создать базу для общих ценностей.

Маринэ Восканян

Ценности ЕС (нравятся они кому-то или нет) – продукт европейской цивилизации с ее собственной историей, культурным, религиозным и национальным опытом. До какой степени они могут быть

универсальными – открытый вопрос. Кроме того, если ЕС настаивает на абсолютном характере своей ценностной матрицы и стремится к ее распространению, в том числе и на страны – соседи по Евразии, то нужно понимать следующее: в ответ это вызовет «ценностное противодействие». Даже если изначально таких намерений не было.

Именно так произошло с Россией. Переход к «ценностному давлению» со стороны ЕС, в том числе Германии, вынудил ее сформулировать и актуализировать в общественном, медийном и дипломатическом пространстве какие-то собственные ценностные установки.

В целом борьба идей – явление вечное. Но это именно «борьба». Поднимая на флаг ценности, любое государство включается в конкурентную борьбу за мировоззрение своих и чужих граждан, оно должно быть готово к признанию себя участником этой конкуренции.

Довольно странно быть участником такого противостояния и постоянно обвинять друг друга в попытках «влияния», «вмешательства», «подрыва ценностей» и т. д. С учетом общих трендов цифровизации и современных технологических возможностей распространения информации через интернет и соцсети влиять будут все и на всех.

Однако для построения добрососедских и партнерских отношений полного согласия по вопросам ценностей не требуется. Достаточно взаимного уважения и рационального понимания своих и чужих интересов. Идея, что различия в ценностях должны быть критическим пунктом в построении межстрановых

отношений, крайне «конфликтогенна», поскольку предполагает постоянное напряжение в вопросе, чьи ценности правильные, а чьи неправильные. Такой подход автоматически создает обстановку противостояния вместо партнерства. Не говоря уже об экспансии ценностей, где начинается мышление в терминах «нападения», «защиты», «атак», «диверсий» и прочего языка военных действий.

Анн-Софи Гаст

Я сомневаюсь в том, что в какой-то момент между нашими государствами существовало сотрудничество, основанное на ценностях. Это не плохо – пока у обеих стран есть сильные общие интересы, позитивное сотрудничество возможно. В будущем, после разрешения Украинского конфликта, я вижу следующие общие интересы: экономическое сотрудничество, поставки газа, стабильность общих соседей (восточные соседи ЕС и западные соседи России), борьба против терроризма.

По итогам последних четырех лет необходимо в первую очередь восстановить доверие. С немецкой стороны большую обеспокоенность и недоверие вызвали российские действия в Украине, аннексия Крыма, антигерманская пропаганда по телевидению («дело Лизы», беженцы и т. п.) и слухи о «фабриках троллей», которые пытаются манипулировать общественным мнением через социальные сети.

Эти трещины невозможно устранить перемирием и выводом наемников с территории Украины, для их ликвидации потребуется много лет работы. Образ России в Германии (в отличие от многих других стран ЕС)

всегда был достаточно положительным, однако теперь он изменился. В этой сфере необходимы не только политические усилия, но и диалог гражданских обществ.

Что касается уровня ЕС, я считаю, что его члены должны осознать тот факт, что их коммуникация с Россией по вопросам восточной политики Евросоюза (расширение, «восточное партнерство», соглашения об ассоциации и т. д.) была неудачной. Хотя ни одна страна не имеет права предъявлять геополитические претензии на другие государства, вполне понятно, почему российское руководство почувствовало для себя угрозу в действиях ЕС. В будущем необходимо улучшение коммуникации и согласование политики в отношении общих соседей. В период после окончания Украинского кризиса возможен, к примеру, институциональный диалог между ЕС и ЕврАзЭС, включающий в себя признание легитимности основанной Россией региональной интеграционной структуры.

Помимо этого, российское руководство уже неоднократно высказывало пожелания по поводу общей концепции безопасности и укрепления партнерства. Хотя роспуск НАТО совершенно нереален, развитие сотрудничества с Россией в области безопасности и поиск новых форматов взаимодействия имеет смысл, особенно с учетом сегодняшних глобальных угроз и вызовов в этой сфере.

Игорь Грецкий

Риторические расхождения – не новость для российско-германских отношений. Их атмосфера значительно улучшилась в период «перестройки». Михаил Горбачёв

видел в ФРГ надежного партнера и считал, что Советскому Союзу наиболее органичны тесные отношения с Германией. Симпатии были взаимны. В ФРГ Горбачёва воспринимали прогрессивно мыслящим советским лидером нового поколения, который, отказавшись от «доктрины Брежнева» и провозгласив курс на реформы, предложил новую архитектуру безопасности в Европе и попытался демократизировать советское общество.

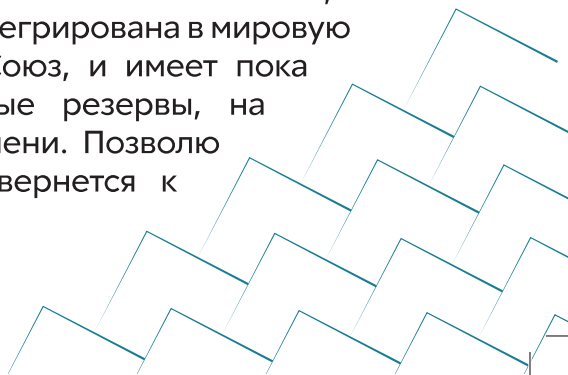
Канцлер Коль оказывал полную поддержку начинаниям Горбачёва, но тем не менее он понимал, что в руководстве СССР его взгляды разделяла далеко не вся элита. По традиции в советской политике весомую роль играли военные и спецслужбы, поэтому германский канцлер не без оснований опасался, что в случае провала «перестройки» в СССР установится «бонапартизм». По мере того как во второй половине 1990-х годов демократические преобразования в России стали сильно пробуксовывать, падала и динамика отношений России и Германии.

С приходом к власти в России Владимира Путина казалось, что отношения между Германией и Россией получили новый импульс. Российский президент свободно изъяснялся на немецком языке, имел опыт работы в ГДР, а его речь в Бундестаге в 2001 году вызвала у аудитории овации. Москва демонстрировала стремление к продолжению рыночных и демократических преобразований и тесному сотрудничеству с ЕС и его ключевым членом – Германией.

Однако стремясь стать полноправным членом европейской семьи консолидированных демократий, Россия выводила за скобки реформы в сфере институтов гражданского общества. Путин считал, что отношения

между Германией и Россией должны строиться по формуле «германские технологии в обмен на российские природные ресурсы». Модернизация, таким образом, была желательна только в сфере экономики, но не политики. Это выразилось, в частности, в том, что правительство существенно ужесточило правила работы иностранных НКО на территории России. Такой подход вызывал серьезную озабоченность в Германии. И хотя критических разногласий по двусторонней повестке дня между Россией и Германией до 2014 года не было, расхождения во взглядах постепенно накапливались. Несмотря на это, вплоть до 2008 года отношения между странами неизменно характеризовались обоими лидерами как «стратегическое партнерство». Интересно, что данный термин президент Путин использовал чаще, чем канцлер Ангела Меркель.

Все это время не утихала дискуссия о ценностях: существует ли аксиологическая основа для отношений России и Германии? На мой взгляд, этот вопрос исключительно важен. Его суть не в том, чтобы ломать копыта в спорах о содержании значения той или иной ценности, а в том, чтобы определить границы допустимого и недопустимого в наших отношениях. Тут нам пригодилась бы Парижская хартия ОБСЕ, подписанная еще СССР. Но для возвращения к ее принципам необходимы глубокие перемены в самой России. И я считаю, что это вопрос времени. Подписанию хартии предшествовали ровно 10 лет снижения цен на нефть и турбулентности в советской экономике. Учитывая, что Россия в большей степени интегрирована в мировую экономику, чем Советский Союз, и имеет пока значительные золотовалютные резервы, на это может уйти больше времени. Позволю предположить, что Россия вернется к

следованию 10 принципам Парижской хартии, когда на политическую сцену выйдет следующее поколение.

Совершенно очевидно, что при действующем руководстве потолок отношений России и ЕС – поддержание существующих контактов и форматов ограниченного взаимодействия. Я бы сказал, сегодня степень готовности Кремля к нормализации отношений приблизительно такая же, какой была в 1980 году вероятность принятия Брежневым решения о возвращении советских войск из Афганистана. То есть почти нулевая. Пространства для политического маневра после аннексии Крыма, сбитого в 2014 году «боинга» и войны на Донбассе у Кремля практически не осталось.

Штефан Майстер

Я считаю, что будущее наших отношений может базироваться в первую очередь на общих интересах, поскольку Россия развивается не в направлении демократии и правового государства, а в возрастающей степени превращается в авторитарное государство. Россия не такая и не будет такой, какой многие в Германии надеялись ее видеть после окончания Холодной войны. И это следует принять. Тем не менее в отношении базовых прав и свобод есть определенное согласие. Но в нынешних условиях потери всякого доверия и различных представлений о международном праве и международных институтах реалистичным представляется сосуществование, основанное на интересах, сети институтов и каналов коммуникации.

Фёдор Лукьянов

На мой взгляд, идеи общеевропейских ценностей, как ее интерпретировали в 2000-е годы, больше нет. Причем не только в рамках отношений России и ЕС – она трансформируется непосредственно внутри европейского пространства.

На этот процесс очень большое влияние оказывает миграция и связанный с ней комплекс проблема адаптации людей иной культуры. Казалось бы, на таком фоне общеевропейские ценности должны укрепляться, но на практике мы видим, что реакция в странах Евросоюза очень разная. И это серьезный вызов универсалистской общеевропейской идее.

Кроме того, данные ценности всегда были тесно связаны с трансатлантическими идеями. А сейчас мы видим, что на этом направлении происходят глубинные и серьезные процессы, которые непонятно чем закончатся. И дело даже не в политике Дональда Трампа. Развитие двух берегов Атлантики идет по все более разным траекториям.

Третий фактор также очень существенен. Россия, а на последнем этапе своего существования и Советский Союз, очень искренне стремились воспринять общеевропейские ценности. Но они в первую очередь были продуктом экспансии Запада за пределы своей классической зоны. После окончания Холодной войны она стала возможной. Украинский кризис и многие другие проблемы связаны в том числе с тем, что Запад увидел неожиданно открывшуюся возможность резко расширяться по всем направлениям.

До поры до времени эта политика шла успешно, а потом уперлась в неразрешимые, прежде всего, геополитические проблемы. И, на мой взгляд, сегодня в Европе осознали, что сейчас важнее сфокусироваться на внутренних проблемах, а такая экспансия в обозримой перспективе уже не может ставиться как цель. В результате идеология «общеевропейскости» явно стала отступать, давая место, там, где это возможно, большему прагматизму. Хотя, как мы видим, он тоже с трудом пробивает себе дорогу.

Ирене Остерле

Вопрос об общих ценностях таит в себе огромный конфликтный потенциал. Во-первых, потому что список может быть длинным. И чем он длиннее, тем меньше шанс, что все эти ценности станут общими. Во-вторых, потому что появляется моральный аспект, который в случае нарушения предполагаемого единого канона ценностей поднимает конфликт на эмоциональный уровень. Это осложняет его разрешение. Даже в рамках одной семьимнения по поводу ценностей могут серьезно расходиться, несмотря на то что ее члены, как правило, имеют одно и то же социальное окружение и похожее воспитание. Сблизить на основе общих ценностей две нации представляется еще более сложной задачей.

Возможно, к пожеланиям 2000-х годов стоит добавить точку зрения, которая могла бы убрать эмоциональную составляющую из разочарования по поводу актуальных разногласий: Германия и Россия только начали по-настоящему узнавать друг друга и формировать канон общих ценностей. Раньше в этот процесс вносили свой вклад многочисленные институты и

программы. Есть молодежный и научный обмены, диалог на парламентском уровне. Все это помогает лучше понять друг друга. И такие программы действительно необходимы в будущем.

Не нужно всегда соглашаться друг с другом, чтобы поддерживать партнерские отношения. Иногда целесообразнее сохранить разные точки зрения и предоставить другому право на собственные оценки. В рамках проекта совместного учебника истории, подготовленного германо-российской комиссией историков, это было возможно: если общей точки зрения достичь не удавалось, приводили оба мнения. Этот научный и в итоге лишенный эмоций подход мог бы стать примером для дальнейшего российско-германского сотрудничества. Ведь тогда каждый признает за другим право на свое мнение и иную точку зрения, а признание – ключевой момент в равноправных партнерских отношениях.

Сергей Маркедонов

Ценностная риторика в российско-германском диалоге присутствовала, только когда Россия пыталась участвовать в процессах общеевропейской безопасности как часть западного мира. Мне кажется, в нашей стране в принципе весьма скептическое отношение к данному измерению.

Это, во-первых, объясняется историческими особенностями. В Советском Союзе коммунистические ценности вступали в серьезное противоречие с повседневной практикой, что вызывало цинизм и двоеверие. И даже те, кто не рефлексирует на подобные темы,

инстинктивно хотят уйти от них, так как ценности часто не совпадают с реальностью.

Кроме того, несмотря на все упреки в адрес России, западные государства вполне успешно сотрудничают со многими авторитарными странами. ЕС не блокирует энергетические отношения с Азербайджаном или Туркменистаном на том основании, что их режимы авторитарны. Например, при всей приверженности Берлина европейским ценностям немецкое правительство не раз шло на сделки с президентом Турции Реджепом Эрдоганом, чей режим вряд ли можно назвать демократическим. Без сомнения, такая политика продиктована соображениями реальной политики.

В итоге в России вопрос ценностей зачастую трактуется как надуманный и искусственный, а российским правительством он и вовсе сегодня воспринимается исключительно как инструмент, сдерживающий полноформатное сотрудничество.

Сара Пагунг

Здесь речь не о Германии, а скорее о Евросоюзе в целом. Основное недопонимание, на мой взгляд, кроется в подходе к общим соседям ЕС и России. Москва рассматривает их как сферу своего привилегированного влияния, а Евросоюз – как суверенные государства. Именно поэтому Европа не может воспринимать их в качестве разменной монеты при переговорах с Россией. С моей точки зрения, это главная проблема.

Таким образом, конфликт, который в 1990-х годах был сосредоточен на вопросах демократии и правах человека, теперь

перекинулся еще и на принципиальные вопросы европейской системы. В качестве примера можно вспомнить предложение Дмитрия Медведева о новом порядке безопасности в Европе, сделанное в 2008 году. Это обстоятельство еще больше осложняет достижение согласия – Россия стремится к новому соглашению, а ЕС хочет придерживаться старого. Так что сейчас перед нами стоит задача разработать модус вивенди или принципы мирного сосуществования. Все остальные варианты потребуют гораздо больше времени.

Иван Преображенский

До середины 2000-х годов Россия заявляла, что придерживается общеевропейских ценностей. В случае каких-либо разночтений речь заходила всего лишь об их «российской редакции». Однако по мере нарастания противоречий власти все чаще стали обращаться к неким «традиционным ценностям», которые уже являются аналогом «общечеловеческих ценностей», то есть универсальной категорией, не привязанной к Европе. Руководство страны (и ранее склонное к разговору с зарубежными партнерами на языке реальной политики, а также политических и экономических интересов) полностью отказалось от ценностного диалога, декларируя радикальное расхождение по этому вопросу.

Соответственно, почти такую же позицию занимают и европейские партнеры. Однако различия между Россией и Германией сегодня вряд ли намного серьезнее, чем, скажем, между немцами и венграми. Евросоюз сегодня внутри себя перестал говорить на одном ценностном языке, о чем свидетельствуют в том числе

сравнительные данные Европейского социального исследования.

В то же время, констатируя, что ценностный разрыв в целом не так велик, как представляется или как декларируют сегодня российские и немецкие власти, надо понимать, что главная проблема не в отсутствии общих ценностей, а в разном подходе к самому диалогу.

Российская сторона по-прежнему предлагает вести беседу на языке интересов. Европейцы же готовы обсуждать в этом ключе лишь незначительный набор вопросов, заявляя о невозможности разговора с Россией на большое количество тем, включая рассмотрение российских территориальных претензий или требование равноправного экономического сотрудничества. Такой формат, разумеется, нельзя признать продуктивным, поскольку это лишь система сделок, которая не может в нынешнем ее виде привести к восстановлению или новому формированию долгосрочных партнерских отношений.

Хауке Ритц

Проблема заключается в том, что у западного мира, в особенности у Евросоюза, нет четкого представления о собственных ценностях. Приведу пример: в ЕС охотно апеллируют к наследию европейского Просвещения. Однако ценности, которые потом на этой основе пропагандируются, зачастую представляют собой идеи движения 1968 года и постмодерна. Ссылка на Просвещение является сегодня на Западе пустой формулой, применяемой для идейного возвышения индивидуализма и сексуальной революции 1960-х.

Необходимо прояснить ряд вопросов, прежде чем апеллировать к ценностям Просвещения. Первый из них: на какое именно течение следует ориентироваться? Имеется в виду британское и французское Просвещение, очень критичное по отношению к христианству? Или частью Просвещения считается немецкая идеалистическая философия, которая попыталась включить в философию христианское учение?

С этим связан и вопрос о том, какая концепция общества стоит за ссылками на права человека. Идея атомизированного и фрагментированного общества? Общества, где каждый формально свободен, но из-за прогрессирующего индивидуализма утратил культурную основу, на которой это общество в целом может обрести свою свободу? Или эту проблему пытаются решить, дополняя обращение к правам человека историко-философской перспективой? В данном случае отправной точкой могла бы стать как раз немецкая идеалистическая философия. Это позволило бы изменить дискуссию о ценностях в ЕС таким образом, чтобы построить мост в диалоге с Россией, где именно этот аспект философии Просвещения как до, так и после революции приобрел очень большое влияние.

Екатерина Тимошенко

Я думаю, все помнят знаменитое выражение Ангелы Меркель о том, что Владимир Путин живет в каком-то другом мире. Многие тогда задались вопросом, что же имела в виду канцлер ФРГ. Большинство в итоге сошлось во мнении, что российский президент живет не в XXI веке, а в XX или XIX столетии, поскольку мыслит категориями реальной политики.

Официальная позиция лидеров ЕС состоит в том, что современная политика должна строиться на общеевропейских ценностях, в основе которых лежит понятие свободы, трактуемое при этом весьма широко. В российской политической и экспертной среде сложилось мнение, что риторикой о ценностях Запад зачастую прикрывает свои политические и экономические интересы. Дискуссии о двойных стандартах не утихают уже многие годы, их итогом становится разочарование и рост взаимного недоверия.

Пожалуй, это противоречие между постмодернистской философией XXI века и идеологией традиционных ценностей – один из главных конфликтов нашего времени.

Фальк Тишендорф

Я принимал участие в нескольких дискуссиях на тему «Фундамент общих ценностей». И все чаще задавался вопросом: в чем причины этого поступательно развивающегося стремления к дискуссии о ценностях, а главное – чего мы хотим этим достичь. Во избежание недоразумений: я глубоко убежден в том, что все люди имеют прочные, пусть иногда отличающиеся системы ценностей. Да, о ценностях можно долго говорить. Ценности – это нечто увлекательное, и все до единого в них разбираются. Мы часто ссылаемся на наши ценности в оправдание собственных поступков и решений.

Но давайте будем хоть раз честны сами с собой: что есть ценности и можно ли создать «фундамент общих ценностей», который смог бы впоследствии послужить основанием для «базирующихся на ценностях отношений»

между Россией и Германией»? Не представляют ли собой ценности нечто явно субъективное, нечто, что позволяет нам иногда сказать: «На том стою и не могу иначе»? Если это действительно так и если мы формируем наши воззрения путем субъективного и длительного процесса обучения, восприятия окружающей нас действительности, то передача ценностей – если она вообще возможна – осуществима только между людьми, но никак не между государствами. Потому мы должны внимательно следить за тем, чтобы не подменять наши политические воззрения нравочениями, которыми мы затем взаимно обмениваемся в ходе якобы дискуссий о ценностях, пытаюсь таким образом продвинуть определенные интересы. Это делает любую дискуссию о ценностях опасной.

В остальном же, полагаю, немцы и русские – особенно молодое поколение – в своих представлениях не настолько далеки друг от друга, как это зачастую предполагается во многих обсуждениях. Нужно сохранять процесс коммуникации, который живет и развивается ежедневно в общих российско-германских проектах, на предприятиях и в самых простых вещах, дабы он не увяз в этих самых дискуссиях.

Дмитрий Травин

Россия все чаще дает понять, что общеевропейские ценности для нее не значимы. О резком развороте, конечно, пока речи не идет. Например, до сих пор считается, что Европейский суд по правам человека принимает обязательные для России решения. Мы их либо выполняем, либо не выполняем, но, по крайней мере, не выходим из этой системы.

Тем не менее Россия декларирует, что у нее другие ценности в отношении ряда принципиальных моментов, и история с Крымом как раз укладывается в эту логику. Позиция Запада состоит в том, что утвержденные границы нельзя менять, поскольку любая силовая акция подрывает европейскую безопасность. Такую практику установили еще Хельсинские соглашения 1975 года, которые подписал и Советский Союз. Конечно, о границе между Россией и Украиной речь тогда не шла, потому что они входили в состав единого государства. Однако дух Хельсинских соглашений предполагает, что после распада СССР принципы о недопустимости произвольного изменения границ остались в силе.

У российской стороны теперь другая позиция: жители Крыма хотят быть гражданами России, поэтому там был проведен референдум. В его легитимности, конечно, можно сомневаться. Но, если оценивать ситуацию неформально, есть все основания предполагать, что крымчане и при самом легитимном плебисците высказались бы в пользу России. С точки зрения Москвы такое самоопределение означает, что эту территорию можно забрать.

Как показывают недавние события в Испании, подобная логика чужда западным демократическим странам. Каталония пытается самоопределиться, но ее стремление никто не поддерживает: ни испанское правительство, ни руководство ЕС. Так что в этом отношении наши ценности очень сильно расходятся.

Причем я хочу подчеркнуть, что речь идет о ценностях, декларируемых политическими элитами. При другом политическом режиме российские граждане, вполне возможно, и не поддерживали бы присоединение

Крыма. Точнее, такого сценария просто не было бы. Собственно говоря, до марта 2014 года эта проблема была довольно маргинальной – ни одна политическая сила в России не декларировала стремление вернуть Крым.

Так что в этом отношении Россия надолго выпадает из общеевропейских ценностей. При постпутинской политической системе данный вопрос, наверное, вновь станет актуальным. И думаю, что тогда Россия будет двигаться в сторону Европы. Но, скорее всего, такие перемены не произойдут в скором будущем.

Татьяна Хрулёва

По сути, этот вопрос – продолжение давнего спора о том, можно ли считать Россию европейской страной. Просто на фоне нынешнего кризиса дискуссия в очередной раз обострилась и приобрела новое качество.

По своей культуре и истории Россия, без сомнения, часть Европы, и ценностная дистанция между нашими обществами не настолько серьезная, как об этом говорят в последнее время. Риторика об особых российских традиционных ценностях и вовсе носит искусственный характер. В первую очередь ее цель – обосновать политическое расхождение с западными странами, в том числе с Германией, и вплоть до недавнего времени в ней вообще не было никакой необходимости.

На самом деле повседневная жизнь мало соответствует декларируемой идеологии. В целом Россия – вестернизированная страна, на бытовом уровне россияне

(в особенности жители крупных городов) мало чем отличаются от тех же немцев. Разумеется, определенные культурные различия имеют место, но и Европа в этом отношении далеко не однородна.

Что касается принципов, определяющих российскую внутривнутриполитическую (и, как следствие, внешнеполитическую) повестку, то они сформировались под воздействием целого ряда факторов, не имеющих никакого отношения к культурно-цивилизационному измерению, и не являются какой-то неизменяемой величиной. И если сегодня, учитывая холодный градус отношений России и ЕС, диалог об общих ценностях как фундаменте сотрудничества бессмысленен, это не значит, что спустя время – пусть и довольно длительное – он не станет актуальным. А пока остается искать точки соприкосновения через общие интересы в различных сферах: от экономики и безопасности до гуманитарных связей.

Юлиус Фрайтаг-Лорингхофен

У российско-германских отношений есть будущее только в том случае, если они выйдут за пределы интересов, которые могут вступать в противоречие с правомиценностями. Именно последние и обеспечивают предсказуемость действий. Именно на этой основе, а не на почве совпадения сиюминутных интересов создается доверие.

И Россия, и Германия хотят стабильного миропорядка на континенте и за его границами. Выработанные совместно в ходе Хельсинского процесса ценности и правила ОБСЕ по-прежнему актуальны для обоих государств, так же

как и Хартия ООН, и общая платформа Совета Европы. Мы должны попытаться не изобретать велосипед, а наполнить новой динамикой существующие общие институты.

В последние несколько лет российское руководство говорит о саморазрушении западоцентричного мирового порядка, построенного на либеральных ценностях. Действительно ли это так? Как будет выглядеть система международных отношений будущего? И какое место в ней займут Россия и Германия?

Николай Власов

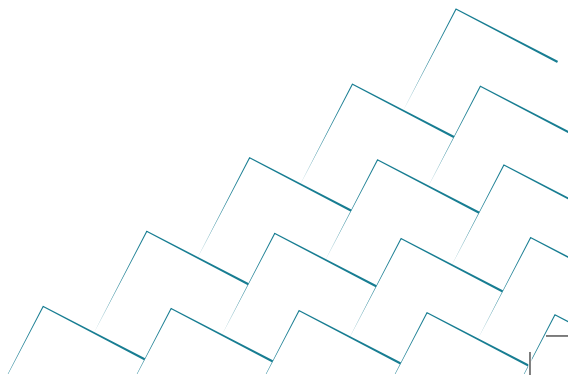
Проблема развития системы международных отношений на современном этапе – один из самых интересных и дискуссионных вопросов в науке о международных отношениях в целом. В настоящий момент мы находимся на стадии перехода от одной, биполярной, модели эпохи Холодной войны к другой, контуры которой пока неясны.

Очевидно, что эта система будет многополярной. Практически все исследователи согласны с тем, что «однополярный момент» 1990-х годов миновал. Однако многополярность – понятие крайне расплывчатое. По сути, оно лишь означает, что число значимых центров в международной системе больше двух. Вариантов может быть огромное количество – от системы равноправных «великих держав» в стиле «Европейского концерта» XIX века (похоже, именно так чаще всего представляют себе многополярность российские политики) до нестабильного баланса постоянно конкурирующих между собой игроков различного уровня (характерный пример – Европа XVIII века).

Многополярность вовсе не исключает лидерства (не путать с гегемонией) одного или нескольких игроков. И в этом плане заявления о кризисе «глобального Запада» кажутся несколько преждевременными. Впрочем, для российского руководства подобные прогнозы являются давней, глубоко укоренившейся традицией. Говорить о «загнивающем Западе» стало модно вовсе не в советскую эпоху (как это часто полагают), а гораздо раньше, еще в императорской России. Сегодня мы можем судить о том, насколько неточными оказались эти предсказания, часто выполнявшие в первую очередь определенные внутриполитические функции.

Если говорить о будущем России и Германии в новой системе международных отношений, очевидно, что оба государства будут играть в ней значимую роль, хотя и не смогут претендовать на единоличное лидерство. Поэтому и для Москвы, и для Берлина лучший способ повысить свое значение в системе и реализовать собственные интересы – объединить усилия с другими, близкими игроками.

Политическая элита ФРГ сделала этот выбор уже достаточно давно в рамках европейской интеграции. Для России же вопрос о союзниках все еще остается, по сути, открытым. И многое здесь, как и в других областях, будет зависеть от внутреннего развития Российской Федерации, которое в конечном счете станет определяющим фактором, влияющим на положение Москвы в формирующейся системе международных отношений.

Эдвин Варкентин

Я не вижу эрозии якобы западоцентричного либерального миропорядка, если таковой вообще существует. Говоря о миропорядке, мы непременно учитываем незападных акторов, таких как Китай, страны Персидского залива или Индия. С другой стороны, ЕС остается мощнейшей в абсолютных цифрах экономикой планеты, самым успешным проектом мирного сосуществования и исключительно привлекательной интеграционной моделью. НАТО как раз находится в стадии укрепления. Технические и научные инновации появляются в первую очередь в западных экономиках. Глобализация и система мировых экономических связей невозможны без механизмов свободного рынка. Речи о западном декадансе и распаде системы ценностей имеют в России внутривнутриполитический смысл и основаны на давней традиции. Запад здесь – лишь метафора для обозначения воображаемого Другого в политической сфере.

Мировой порядок будущего может быть создан исключительно на основе консенсуса и договоренностей. Тесные связи и демографическое развитие позволяют сохранить мир только общими усилиями. Наднациональные объединения – и ЕС является здесь отличным примером – могут дать ответ на вызовы глобализации и демографического роста. Германия уже сейчас играет в этом отношении важную роль, помогая развивать европейскую интеграцию в какой-то степени вопреки принципу национального государства. Россия также могла бы развивать свой потенциал в этом направлении.

Денис Волков

Мне кажется, что проблема опять-таки не в ценностях. Российским элитам не нравится модель мирового порядка, где главную роль играют США и которая действительно находится в кризисе. Например, согласно представлениям российского населения, в мире сегодня три главные державы – Россия, Китай и США.

Однако дело в том, что все большее количество государств хотят действовать самостоятельно, вести свою политику, играть на противоречиях между разными странами. И речь не только о США, Европе (при том что союзники США не очень-то и хотят, чтобы Америка отказывалась от своих обязательств) и Китае.

Центров независимого действия становится намного больше. Поэтому построить четкую систему с двумя-тремя полюсами сил невозможно. Нельзя забывать и о том, что относительно слабый экономический потенциал России не позволяет ей действовать на мировой арене на равных с США, Германией и другими державами. В итоге складывающаяся реальность оказывается намного сложнее и беспорядочнее, чем этого хотелось бы России.

Лукас Вернер

На мой взгляд, эта эрозия происходит из-за негативных последствий глобализации и отсутствия критического осмысления конъюнктуры неолиберального экономического порядка после крушения Советского Союза. Экономика растет, но условия труда

неблагоприятны. У множества людей есть страх перед будущим и размыванием привычных основ, что вызывает растущую ненависть к чужакам и недовольство политическим истеблишментом.

Чтобы остановить эти процессы, необходимо, на мой взгляд, глобальное переосмысление того, как можно создать справедливые и устойчивые структуры для жизни, работы и защиты окружающей среды. Однако результата нельзя достичь в рамках сотрудничества двух отдельно взятых государств. Изменения могут произойти, только если все государства будут сотрудничать в данном вопросе. Но Россия и Германия как большие и могущественные страны могут играть важную роль в этом процессе.

Маринэ Восканян

На мой взгляд, речь, скорее, должна идти о «постлиберальных» ценностях и перспективах этой мировоззренческой модели, которую сегодня предлагает часть западных элит. В ее сути заключается вопрос об идентичности человека и пределе (а точнее, отсутствии пределов) для свободы выбора и смены этой идентичности.

Такая модель революционна, поскольку предполагает полный отрыв нового человека от каких-либо традиционных национальных, расовых, религиозных, культурных, территориальных, возрастных и гендерных маркеров. Это человек мира, разделяющий некий универсальный набор демократических ценностей, среди которых находятся определенным образом понимаемые права человека,

представления об информационной открытости, толерантности и т. п. Безотносительно моральных оценок хотелось бы отметить, что универсалистские проекты подобного рода имеют одну ключевую проблему – они требуют от человека радикального отказа от маркеров идентичности, закрепленных в культуре той группы, к которой он относится.

Как отмечает немецкий философ Петер Слотердайк, люди всего два столетия как научились осознавать себя гражданами национальных государств, а не своих городов и областей, и лишь несколько десятилетий – гражданами наднациональных союзов (что тоже идет с проблемами). Требовать от них осознания себя гражданами мира с универсальным набором ценностей – крайне радикальное требование. Совершенно не факт, что люди готовы к подобным переменам.

Одновременно это вызывает противодействие в форме неоконсерватизма и запроса на возвращение ценностей традиционных, а также ресуверенизации, если говорить об альтернативе глобализации. Поэтому в ближайшей перспективе видится скорее не торжество какой-то модели в глобальном масштабе, а сосуществование разных моделей. И преимущества будут иметь те государства, которые готовы к «мультимодельности».

Россия является сторонником такого подхода и в целом имеет представление о своей роли в многополярном мире. Для Германии же, входящей в Евросоюз, ключевым будет то, какое место он сможет занять в мире.

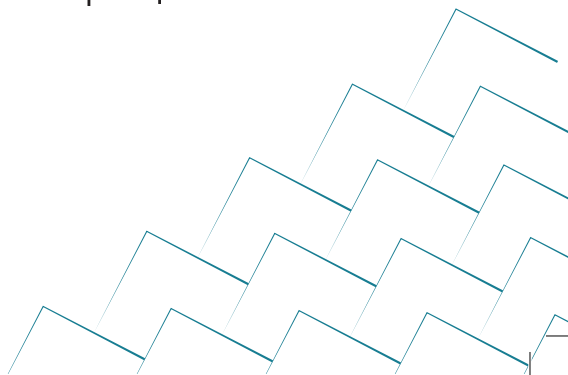
Анн-Софи Гаст

Я в этом вопросе согласна с российским руководством, но вижу другие причины эрозии либерального западоцентричного миропорядка. Даже если оставить за скобками США и президента Трампа, который со сногшибательной скоростью обеспечивает утрату Соединенными Штатами своего влияния и репутации в мире, ослабление либерального миропорядка связано в первую очередь с усилением нелиберальных акторов – Турции, Китая, Саудовской Аравии, а также России. Они требуют своего места за глобальным столом переговоров, где определяется будущее мира, и предлагают модель развития, не основанную на демократии и свободе и нуждающуюся в болезненных реформах, а значительно более прагматичную. Их объединяет критика однополярного миропорядка, в котором доминируют США.

Я считаю, что однополярная эпоха уже закончилась некоторое время назад, однако очевидным это стало только после избрания Трампа и отхода США от глобальной ответственности. Полностью в соответствии с гегемониальной теорией стабильности отступление глобального гегемона ведет к росту нестабильности. Полагаю, мы должны настроиться на период хаоса, дальнейшей дестабилизации и адаптации системы. Ни одно государство не способно в настоящий момент взять на себя роль, которую играли Соединенные Штаты. Усиливающиеся державы будут пытаться заполнить оставленный США вакуум, укрепить свои позиции и получить свою долю пирога. Возможно, Китай в недалеком будущем добавит к своей экономической экспансии политические требования, что создаст дополнительный

потенциал для конфликтов. На мой взгляд, Россия в последние годы четко показала, что хочет принимать участие в формировании глобального порядка и готова применять силу для реализации своих интересов. Хотя она надолго утратила Грузию и Украину как возможных партнеров, но в то же время заявила о своей доминирующей позиции в регионе созданием таких организаций, как ОДКБ и ЕврАзЭС. Россия и в будущем продолжит активно действовать как на глобальной арене, так и в других регионах, к примеру на Ближнем Востоке.

Думаю, несмотря на усиление новых акторов, ЕС и в будущем сыграет большую роль, поскольку он не только очень важный игрок в мировой экономике, но и обладает большим влиянием и притягательной силой в качестве цивилизационной модели. Брекзит, кризис беженцев и внутренние разногласия не изменили этого положения дел. Свобода, мир и благосостояние по-прежнему являются целями, привлекательными для всего мира. Возможность учиться и работать в двадцати восьми государствах, путешествовать без визы и проверки на границах, словно ты у себя дома, – все это нельзя недооценивать. Сохранение мира на континенте, страны которого еще 100 лет назад терзали друг друга, – беспримерная заслуга Евросоюза. Германия должна будет играть в ЕС и в глобальных масштабах более ярко выраженную руководящую роль, чем прежде, однако в согласии с европейскими партнерами и в особенности в рамках тесного сотрудничества с Францией.

Игорь Грецкий

Еще до Брекзита и победы Дональда Трампа на президентских выборах в США российские элиты придерживались тезиса о том, что Запад утратил контроль над глобальными процессами, а западоцентричная модель системы безопасности более не является актуальной. Такая идея стала мейнстримом после выступления Путина в Мюнхене в 2007 году.

На экспертном уровне эта точка зрения выражается в утверждении, что биполярная модель Холодной войны обеспечивала большую стабильность и безопасность. С данным тезисом сложно согласиться. Во-первых, глобальная ответственность за политическими процессами в мире никогда не была целью ни евроатлантических структур, ни внешней политики отдельных стран Запада. Во-вторых, есть только одна организация с мандатом нести ответственность за безопасность во всем мире – ООН. В-третьих, глобальный контроль за безопасностью попросту невозможен. Проще говоря, на сегодняшний день это иллюзия, что доказали и Карибский кризис 1962 года, и распад СССР. То есть тотального доминирования Запада в вопросах безопасности, как и «постзападного мира», попросту не существует и никогда не существовало.

Штефан Майстер

Мы живем в эпоху перехода от либерального миропорядка во главе с США к многополярной системе, которая будет намного более нестабильной, волатильной и подверженной кризисам. Мы не знаем, как будет выглядеть

будущее. Глобализация и диджитализация являются моторами этого опутанного множеством связей мира, в котором такие государства, как Китай и Индия, будут играть более значимую роль, а Россия (из-за недостатка модернизации) и ЕС (из-за недостатка реформ) будут терять свое значение. Тенденции к ренационализации не смогут остановить данный процесс. Германия может играть роль на международной арене исключительно в рамках реформированного Евросоюза, а у России, только благодаря последовательной экономической модернизации, будет возможность получить ресурсы, необходимые для того, чтобы оставаться релевантным актором.

Фёдор Лукьянов

Предсказывать трудно, но система международных отношений будущего явно будет выглядеть не так, как сейчас. То, что называют либеральным мировым порядком, не состоялось. Хорошо это или плохо – вопрос вкуса и отдельной дискуссии. Но последствия могут быть достаточно тяжелыми для всех, включая Россию. Хоть она и не вписалась в либеральный порядок, совершенно не гарантируется что ей удастся занять подходящее место в новой системе, которая может быть устроена гораздо более жестко.

Каким бы ни был новый порядок, и Россия, и Германия будут играть в нем свою роль. Россия как страна не просто крупная, но и обладающая рядом серьезных активов, прежде всего геополитических и военно-силовых, останется значимым актором. Сколько бы ни говорили, что XXI век – это эпоха коммуникаций и интернета,

территориальное измерение, как мы видим, не теряет своей значимости. Хотя с точки зрения экономики Россия, конечно, пребывает совсем в другой лиге.

Роль Германии, безусловно, будет велика, хотя ее довольно трудно сформулировать. На мировой арене Германии необходим Евросоюз. Во-первых, для увеличения веса и масштаба. Во-вторых, и это самое главное, чтобы ни у кого не появилось ощущения, что немцы возвращаются к амбициям прошлого и позапрошлого веков.

Главный кошмар немецкой политической элиты заключается в том, что по мере кризиса ЕС вернется так называемый «германский вопрос». Он уже несколько раз приводил Германию к катастрофе. В этом отношении ЕС – как раз способ «упаковать» свои развитие и подъем в удобоваримые для всех формы. Именно поэтому сохранение Евросоюза для Германии – жизненно важный приоритет.

Сара Пагунг

Нужно сказать, само понятие «Запад» довольно расплывчатое, хотя, как правило, к нему относят страны, входящие в Евросоюз и НАТО. И я не думаю, что мир до сих пор западоцентричен. Был небольшой период однополярной системы международных отношений, но по мере возрастания роли ряда других государств, в первую очередь Китая, мировой порядок перешел в многополярную фазу.

Определение «либеральный миропорядок» также довольно спорно. В любом случае

процесс демократизации, пик которого пришелся на вторую половину XX века, сейчас находится в стагнации. И это большое разочарование, так как в 1990-х все ожидали, что наступит «конец истории» и все страны станут демократическими. Но, как мы видим, после окончания Холодной войны лишь немногие государства пошли по этому пути.

Тем не менее значительная (и самая богатая) часть мира – это демократические и либеральные страны. Они способны создавать сильный и привлекательный нарратив, который объединяет многих людей. И в настоящее время я не вижу никакого другого столь же успешного нарратива. Останется ли он таковым, будет зависеть от его способности реформироваться и приспособливаться к новому мультиполярному миру.

Сергей Маркедонов

Современный мировой порядок действительно описывается через призму побед либеральных ценностей. Но все же он не строится исключительно на них. Подобные утверждения крайне далеки от реальности.

Однако заявление, что западоцентричный миропорядок падает в Тартар, тоже поспешно и представляет собой принятие желаемого за действительное. Разумеется, проблемы есть, более того, они множатся. При всех оговорках США в определенное время демонстрировали в Европе свою эффективность. А вот на Ближнем и Дальнем Востоке, на том же постсоветском пространстве у них получается далеко не все. Но это, в крайнем случае,

свидетельствует о надломе нынешнего мироустройства, но никак ни о его сломе.

Конечно, и Россия, и Китай, и Индия, и ряд других государств делают определенные заявки на перемены. Однако пока никто из них не дает какую-то комплексную и целостную альтернативу. Этого в том числе не может сделать и Москва. Можно спорить, насколько правильной была универсальная модель, которую предлагал СССР, но она воодушевляла миллионы людей по всему миру. У современной же Россией системы альтернативных подходов нет.

Нельзя забывать и о том, что государства, недовольные американоцентричным миром, имеют еще и противоречия друг с другом: например, Россия и Турция, Индия и Китай. Можно даже сказать, что доминирование США их всех не устраивает по-разному.

Кроме того, у каждой из стран, пытающихся играть лидерскую роль, есть какие-то свои слабые точки. В том числе у Германии есть ограничения в сфере безопасности, поэтому в ближайшее время она вряд ли станет крупной военной сверхдержавой. Главный российский изъян, без сомнения, экономика.

И только Соединенные Штаты Америки, нравится нам или нет, сохраняют комплексный силовой баланс. И это одна из главных причин, по которой мы не можем говорить о сломе американоцентричного мира. Кризис же не тождественен слому.

Хауке Ритц

Как известно, однажды уже была глобализация, прерванная Первой мировой войной и окончившаяся мировым экономическим кризисом 1929 года. Нечто похожее происходит на наших глазах. Тогда процесс сопровождался огромными войнами. Сегодня военная техника настолько развита, что большой конфликт будет означать конец цивилизации.

Постепенная потеря США влияния, похоже, необратима в долгосрочной перспективе. Для Европы это означает, что она должна пересмотреть свою западоцентричную ориентацию. Вероятно, в следующем десятилетии экономический и культурный центр Европы сместится дальше к востоку. Что это может означать в долгосрочной перспективе?

Это может означать, что усилится влияние стран, которые, как Польша и Россия, видят в христианстве культурную и духовную основу европейской цивилизации. Это может также означать, что ставка на механику политической системы, которая исторически сильна в англосаксонском мире и Франции, будет дополнена новой перспективой. Если более пристально изучить разницу в менталитете современного Запада и России, можно увидеть, что на Западе в центре внимания находится в первую очередь правовая легитимность политической системы, в то время как вопросы культурного развития находятся в сфере развития общества. В известном смысле позволено все, что происходит в соответствии с легитимным правовым процессом. Александр Солженицын уже в 1978 году в своей знаменитой речи в Гарвардском университете с отчужденностью говорил

о нигилистических последствиях этого западного правосознания. В России и некоторых других восточноевропейских государствах, напротив, в фокусе находится дух политических процессов, а не механика правовой процедуры. Одним из самых значительных изменений, вызванных ослаблением западного либерального миропорядка, могло бы стать повторное открытие этой культурной перспективы общественных процессов.

Иван Преображенский

Западный мир, в том числе европейская демократия и ЕС, безусловно, находятся в состоянии кризиса. Это кризис доверия населения к традиционным медиа, вызванный как ростом влияния соцсетей, так и усталостью от действий традиционных элит. Это также кризис парламентской демократии, связанный с общим закатом партийной системы и потерей значительной части обратных связей с населением через выборы. Появление радикальных и популистских политических партий и движений в Европе, в том числе и в Германии, – это признаки все того же кризиса.

Однако означает ли он разрушение либеральных ценностей или существующего мирового порядка? Тем более что построен он все же не на либеральных ценностях, а на ценностях диалога и компромисса.

Именно они стали ключевыми после Второй мировой войны в результате осознания человечеством жертв, которые оно понесло, чтобы разрешить тот крупнейший кризис XX столетия.

Стоит отметить, что в России тоже говорят о создании полицентричного мира, в отличие от того однополярного устройства, ставшего результатом распада Советского Союза и прекращения Холодной войны, что привело к доминированию одной супердержавы – США. В реальности же устройство современного мира и мировой политики заметно сложнее. В нем работают сложные схемы сдержек и противовесов, ситуативных и долгосрочных межгосударственных союзов. Поэтому модель многополярного мира, в рамках которой пытаются анализировать происходящее российские власти, выглядит как серьезное упрощение.

В то же время очевидно, что руководство России право, ожидая изменения отношений внутри мировой системы и ее трансформацию. Всеобщие претензии к работоспособности ООН давно известны, «Крымский кризис» как раз показал неработоспособность данной схемы. Единственное, для чего она до сих пор хорошо подходит, так это предотвращение глобального конфликта между так называемыми великими державами, ни одна из которых не может получить перевес в Совете Безопасности ООН из-за права вето.

Трежит по швам при нынешнем политическом руководстве и система трансатлантического партнерства ЕС – США. Все большую роль играют новые центры силы в Юго-Восточной и Восточной Азии и отчасти Латинской Америки. Азиатско-Тихоокеанский регион может стать главной ареной мировой политики во второй половине XXI века.

И это означает, что и России, и Германии нужно будет искать способы сохранить свои позиции и вписаться в новое

международное распределение труда. Германия стремится сделать это за счет экономического роста, а Россия – за счет наращивания своего, в том числе военного, влияния в мире. Можно, в итоге, констатировать, что свое влияние наращивают обе страны. Причем Германия еще может опираться на единый рынок Евросоюза, создающий для нее, с одной стороны, дополнительные возможности по сбыту своих товаров и экономическому росту, с другой – дополнительные риски. Какая из этих стратегий окажется более успешной – покажет время.

Фальк Тишendorф

Российское руководство? Все сейчас говорят о кризисе либерального мирового порядка и системы, именуемой глобализацией и основанной на свободных границах и открытых обществах. То, что сейчас происходит в США, Великобритании и других европейских странах, нельзя характеризовать иначе как разрушение. Объявленные американским президентом импортные пошлины развязывают как раз торговую войну между Европой и США. Это феномен, о котором мы только что говорили применительно к другой части света. Нам придется признать, что открытые границы и открытые общества поставлены сегодня под сомнение. Кроме того, порождается и успешно эксплуатируется в собственных целях страх перед глобализацией и иммиграцией. Одновременно возникает ощущение, что снижается готовность защищать собственные либеральные принципы. Мы считали такое устройство само собой разумеющимся. Но больше оно таковым не является.

При этом я не готов поверить в то, что можно действительно остановить глобализацию. Более того, наряду с Россией и США (чей зачастую прогнозируемый закат все еще далеко впереди) все большую роль играют Китай, Индия, Индонезия, равно как и другие азиатские и африканские государства. В прошлом мы всегда ставили под сомнение стабильность этих государств. Но является ли сама Европа в действительности настолько стабильной, как мы полагали? В этом все больше и больше сомнений.

Екатерина Тимошенко

Мне кажется, что одна из главных проблем миропорядка, выстраивающегося на либеральных ценностях, состоит в несоответствии реальных интересов и сопровождающих их лозунгов. Оно может привести к разрушительным последствиям не только в отношениях России и Запада, но и непосредственно внутри западного сообщества.

В качестве примера можно назвать регулярно возникающие разногласия между администрацией Дональда Трампа и правительствами стран ЕС или же полемику внутри самого Евросоюза в связи с миграционным кризисом. Когда заходит речь о самосохранении или собственных – в том числе экономических – интересах, либеральные ценности могут уйти на второй план.

На систему международных отношений в ближайшие годы особое влияние окажут следующие две тенденции: усиление центробежных сил в Европе и выход на

передний план национальных интересов. Кроме того, на мой взгляд, развитие получит давний конфликт между принципом государственного суверенитета и правом нации на самоопределение. Думаю, впереди нас ждут большие дискуссии по этим вопросам, в том числе в рамках ООН.

Уверена, что рано или поздно ведущим игрокам на мировой арене, в частности России и Германии, придется выработать новые правила международных отношений, а также работать над созданием общей системы безопасности, которая будет базироваться на принципах взаимозависимости, прозрачности и предсказуемости. Без такого общего пространства в итоге будет не обойтись. Но это, конечно, вопрос далекого будущего. Пока необходимо восстановить структуры, которые пусть с оговорками, но действовали на Европейском континенте ранее, например Совет Россия – НАТО.

Дмитрий Травин

Нужно отметить, что западный мир построен не на либеральных ценностях, а на консенсусе либералов, социал-демократов и националистов-консерваторов. Из либеральных идей по большому счету взяты только права человека. Социальная сфера полностью сформирована под воздействием социал-демократических взглядов – либералы никогда не поддерживали такое перераспределение ресурсов через бюджеты. А сохранение национальных государств и крах идеи единой Европы без наций, в которой люди будут себя чувствовать просто европейцами, показывает, что национализм, причем

демократический и цивилизованный, все еще существует. Люди по-прежнему хотят чувствовать себя представителями определенной нации.

Второй момент состоит в том, что наш мир уже давно не европоцентричен. Длительное время он был биполярным – после Второй мировой войны двумя центрами являлись США и СССР. После распада Советского Союза наступил небольшой период временного доминирования Соединенных Штатов.

Сейчас мир снова биполярен. США и Китай – страны, равные по экономической мощи. По численности населения Китай и вовсе намного превышает западные страны, даже вместе взятые. По военному потенциалу он пока отстает, но в принципе имеет хорошие условия, чтобы нарастить его.

И эта биполярность сохранится очень длительное время. Не исключено, что на протяжении всего XXI века, хотя на такой большой срок прогнозы давать очень сложно. Пока я не вижу никаких признаков того, что в ближайшие десятилетия развитие может пойти по какому-то другому пути.

Германия, как член НАТО, страна с демократической политической системой и рыночной экономикой, конечно, будет находиться на стороне США. Причем нужно понимать, что она – партнер Соединенных Штатов, а не их сателлит.

Россия же пока пытается играть в сложную и не очень стратегически перспективную игру. Мы дистанцировались от НАТО и поссорились с Западом, но в то же время не являемся партнером Китая. Наша страна

проигрывает ему по абсолютно всем параметрам: экономическим показателям, численности населения, политическая система у нас менее устойчивая и т. д.

Пока что Россия не готова принять роль младшего партнера Китая. Неосознанно она движется в этом направлении, хотя, я думаю, сознательно к такому варианту никто не стремится. Есть вероятность, что через 10–15 лет Россия станет фактическим сателлитом Китая: если отечественная экономика будет все больше слабеть, то страна окажется в зависимости от того государства, которое будет готово подкидывать хоть какие-то деньги за природный газ. Не исключено, что Россия будет балансировать между двумя главными полюсами без какой-то надежды на серьезное политическое развитие.

Я полагаю, российско-германские отношения в целом упираются в то, что Германия – часть западного мира со своими ценностями, а Россия сегодня является заложником существующей у нас политической системы. И пока она не изменится – а я считаю, что это может произойти еще не скоро – никаких возможностей изменить российскую внешнюю политику, которая обслуживает внутренние задачи, нет.

Юлиус Фрайтаг-Лорингхофен

Учитывая историю появления ООН, эту организацию можно называть западоцентричной. Я считаю такое утверждение не вполне правильным – Хартия ООН подписана странами всего мира, ее универсальные правила признаются повсюду. Как и в христианской и античной философии, в азиатских и африканских системах

ценностей важны права человека. В процентном отношении на протяжении всей истории в мире не было так мало смертей от голода, болезней и войн. Это часть истории успеха нашего сегодняшнего мирового порядка. Подъем Китая начался после проведения рыночных реформ, когда индивидуальные решения были поставлены выше государственного планирования. Однако мир постоянно меняется. Россия и Германия остаются хорошими посредниками в современных дискуссиях о ценностях не только друг с другом, но и в отношениях с Азией или Америкой.

Татьяна Хрулёва

Система международных отношений сегодня переживает период неопределенности, причем совершенно неясно, это переходный этап или же нестабильность становится нормой. Такая турбулентность в том числе обусловлена целым комплексом проблем, с которыми в последнее время столкнулся западный мир. Как оказалось, традиционным политическим силам очень трудно найти ответы на современные вызовы, связанные с экономическими, социальными и демографическими сдвигами. Но в то же время нет никаких оснований полагать, что этот кризис непреодолим и приведет в итоге к коренному пересмотру существующего миропорядка.

Определенная его трансформация, безусловно, неизбежна, хотя пока еще сложно однозначно определить, в каком направлении мы движемся. Совершенно точно в прошлом осталась однополярная эпоха. Судя по всему, главными полюсами в ближайшие 20–30 лет будут США и Китай. Однако речь не идет и о

классической биполярной модели, которая определяла систему международных отношений с момента окончания Второй мировой войны и до распада СССР. Слишком у большого числа акторов (в частности, у Индии, ЕС, Ирана, Турции, России, Саудовской Аравии, ряда стран Юго-Восточной Азии и Латинской Америки) появляется возможность влиять на расклад сил, но лишь в отдельных регионах.

Россия и ФРГ, без сомнения, будут стараться закрепить свои позиции в этой системе. Германия – в качестве лидера Евросоюза, поэтому его будущее имеет для Берлина определяющее значение. Роли России на мировой арене в первую очередь угрожают вовсе не внешние вызовы. Чем дольше власти страны будут откладывать проведение реформ, тем сложнее будет справиться с накапливающимися во всех сферах проблемами. Сохранить за собой статус глобального игрока на таком фоне в длительной перспективе почти невозможно.

